

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ФАКУЛЬТЕТ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

ДЕМЕНЕВА АННА ВАЛЕНТИНОВНА

«Юридические последствия постановлений Европейского суда по
правам человека для Российской Федерации»

направление 521400 – юриспруденция, специализация 521409 – международное
публичное право, европейское право

ДИСЕРТАЦИЯ НА ПРИСВОЕНИЕ СТЕПЕНИ МАГИСТРА ПРАВА

Научный руководитель:

Доктор юридических наук, профессор Игнатенко

Геннадий Владимирович

Екатеринбург

2004

Содержание

Вступление

Глава 1. Юридическая природа постановлений международных судебных органов и обязательства государств по исполнению актов международных судебных органов.

§ 1. Обязательная сила постановлений международных судебных органов для государств: международно-правовое регулирование.

§ 2. Обязательная сила постановлений международных судебных органов для России: внутринациональное регулирование.

Глава 2. Обязательный характер решений Европейского суда по правам человека для государств-участников Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика исполнения постановлений.

§ 1. Нормативное обоснование обязательности решений Европейского суда по правам человека для государств-участников Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и обязательства по исполнению решений Европейского Суда.

§ 2. Практика исполнения постановлений Европейского суда по правам человека в европейских государствах и их влияние на национальные правовые системы.

Глава 3. Последствия постановлений Европейского суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации: состоявшиеся решения и модель эффективного взаимодействия прецедентного права Суда и российской правовой системы.

§ 1. Анализ решений Европейского суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации, и меры, принятые по их исполнению.

§ 2. Модель эффективного взаимодействия постановлений Европейского суда и российской правовой системы.

Заключение.

Вступление.

Конкретные меры по осуществлению внутренних и внешних функций каждого государства все больше согласовываются с общими принципами и нормами международного права. Так, деятельность по обеспечению прав и свобод человека перестает быть исключительно национальным делом и основывается на нормах международного права и решениях международных судебных органов.

За последнее время в России вышли работы, в которых рассматриваются и анализируются дела, рассмотренные Европейским судом по правам человека, однако еще недостаточное внимание уделяется юридическим последствиям постановлений Европейского суда для России.

Выбор темы диссертационного исследования обусловлен необходимостью сопоставления требований к государству-участнику Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, связанных с обязательным характером решения Европейского суда, и современного состояния правового регулирования по данному вопросу в Российской Федерации. Практическим основанием выбора темы является то, что Россия в данный момент активно вовлечена в судебные процессы по правам человека в Европейском суде, и некоторые проблемы с исполнением вынесенных против государства решений уже возникли на практике.

В период подготовки настоящей работы в отношении Российской Федерации было вынесено восемь решений Европейского суда по правам

человека. Данные акты и последствия этих постановлений будут проанализированы в работе. Кроме того, работа имеет цель на основе исследования последствий постановлений Суда для Европейских государств построить модель наиболее эффективной системы мер, которые могла бы предпринять Российская Федерация для приведения законодательства и практики в соответствие со стандартами Конвенции и прецедентной практикой Суда.

Глава 1. Юридическая природа постановлений международных судебных органов и обязательства государств по исполнению актов международных судебных органов.

§ 1. Обязательная сила постановлений международных судебных органов для государств: международно-правовое регулирование.

Эффективным гарантом прав, гарантированных международными конвенциями, являются прежде всего государства. Однако исторический опыт показывает, что государство может не только гарантировать и защищать права человека, но и создавать условия, препятствующие их осуществлению. Это объясняет необходимость международного контроля за их соблюдением. Такие меры предусмотрены большинством международных соглашений в этой области. Их основным принципом является обязанность государства

отчитываться перед международным сообществом о мерах, принятых для обеспечения и исполнения обязательств, принятых на себя государствами.

Так, одной из таких мер является установленное в статье 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод обязательство государств-участников (Высоких Договаривающихся Сторон) не препятствовать осуществлению права физических лиц или неправительственных организаций направлять в Суд жалобы о нарушении со стороны Высоких договаривающихся сторон их прав, признанных в Конвенции и Протоколах к ней.¹

На сегодняшний день существует множество механизмов контроля: периодические отчеты, представляемые государствами в международные инстанции, иск государства в отношении другого государства, индивидуальные обращения в международные органы. Полномочия контрольных органов различны: некоторые ограничиваются предложением рекомендаций правительствам, другие имеют право на вынесение определенных санкций. Между тем основой выполнения государствами своих обязательств перед международным сообществом является не только политический механизм, но и правовой механизм, обеспеченный принципом обязательности решений международных судебных органов для государств, в отношении которых они вынесены.

Прежде всего, принцип обязательности решений международных органов содержится в международных актах, регламентирующих порядок деятельности этих органов, а затем получает свое распространение и развитие в самой

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Рим, 4 ноября 1950 г.). Ст. 46. Собрание законодательства РФ. 8 января 2001 г. N 2. Ст. 163.

судебной практике международного органа и национальном законодательстве государств - участников.

Так, главным судебным органом Организации Объединенных наций является Международный Суд. Его Статут, принятый в Сан-Франциско 26 июня 1945 года, является неотъемлемой частью Устава Организации Объединенных Наций.² Статья 94 Устава Организации Объединенных наций содержит указание на обязательный характер решений Международного Суда по тому делу, в котором государство является стороной:

«1. Каждый член Организации обязуется выполнить решение Международного Суда по тому делу, в котором он является стороной.

2. В случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если это признает необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение.»³

Статья 59 Статута Международного Суда также содержит принцип обязательности решения Международного Суда, однако сформулирована таким образом, что содержит пределы обязательности:

«Решение Суда окончательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу».

² Статут Международного Суда. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII.- М., 1956. С. 47 -63.

³ Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII.- М., 1956. С. 14-47.

Статья 60 Статута Международного Суда устанавливает, что «решение окончательно и не подлежит обжалованию. В случае спора о смысле или объеме решения, толкование его принадлежит Суду по требованию любой стороны».

Каковы пределы обязательности, в рамках которых выносятся решения Международного Суда? Признает ли Суд лишь факты нарушения или выносит также обязательные для государств конкретные требования о мерах по их устранению?

Данный вопрос в аспекте освещения традиционной практики Международного Суда и новых тенденций его практики рассматривается В.С.Верещетиным в статье «Некоторые аспекты соотношения международного и национального права в практике Международного Суда ООН». Автор, в частности, указывает следующее: «Главный судебный орган ООН – Международный Суд, в чью задачу входит разрешение споров между государствами и предоставление консультативных заключений по запросам уполномоченных на то органов ООН, в последнее время столкнулся в необходимости дать правовую оценку с позиции международного права решениям национальных судебных органов в гражданско-правовой и уголовно-правовой сферах. В соответствии со статьей 38 Статута Международного Суда ООН, когда Суд имеет дело с национальным правом и решениями национальных судебных органов, он относится к ним как к фактам, законность которых с точки зрения международного права ему приходится определять. Принимая свои решения, Международный Суд ООН до недавнего времени в подавляющем большинстве случаев воздерживался от прямых предписаний в

отношении должного поведения тех или иных органов государств, включая суды, не говоря уже о физических и юридических лицах. Сознательно или интуитивно придерживаясь дуалистической концепции международного права, Международный Суд не шел дальше формулирования прав и обязанностей государств как таковых в рассматриваемом деле. Средства и методы исполнения решений Суда во внутригосударственной сфере оставались целиком на усмотрение соответствующих государств»⁴.

При этом очевидно, что внутригосударственные и международные последствия судебного решения Международного Суда оставались формально разделенными, поскольку международный судебный орган не влиял на выбор мер исполнения своих постановлений. Обязательность или необязательность решения для внутригосударственной сферы определялась самим государством. Таким образом, Международный Суд избегал формулировок, которые могли бы толковаться как посягательство на независимость судебной системы даже при рассмотрении дел, непосредственно связанных со спорами по поводу решений, вынесенных национальными судами. Иными словами, устанавливая нарушение, Суд устанавливал обязанность государства устранить эти нарушения, хотя реально речь шла об оценке действий именно тех или иных органов с позиции международного права.

В.С. Верещетин отмечает, что в настоящее время прослеживается новая тенденция, когда Суд не только при мотивировке решения, но и в оперативной части своих решений и заключений говорит об обязанностях непосредственно

⁴ В.С. Верещетин. «Некоторые аспекты соотношения международного и национального права в практике Международного Суда ООН»//Российский юридический журнал. N 3. 2002 г.

государственных органов, включая суды. Очевидно, в этой новой тенденции проявляется более глубокое проникновение международного права во внутригосударственный правовой порядок и возрастающее признание примата международных обязательств в случае их конфликта с нормами национального права.

Так, автор приводит в качестве примера дело Демократической Республики Конго против Бельгии. Международный Суд ООН рассматривал в данном деле вопрос об иммунитете министра иностранных дел государства от уголовного преследования. Суд пришел к заключению, что выдача и международное распространение ордера на арест министра иностранных дел Конго представляли собой нарушение Бельгией ее правового обязательства по отношению к Конго. То есть, фактически Суд дал оценку действиям и решениям государственных органов Конго. Эти действия охарактеризованы как неуважение к иммунитету лица, который им располагал по международному праву. Суд определил, что Бельгия должна средствами по своему выбору отменить ордер на арест и информировать об этом власти, которым он был направлен. (то есть, назвал конкретные меры, которые должны быть предприняты для исполнения постановления).

В.С. Верещетин также рассматривает при анализе данной тенденции дела Парагвая и Германии против США, которые рассматривались Международным Судом ООН в 1998-2001 гг. в связи с нарушениями в отношении парагвайских и германских граждан Венской Конвенции о консульских сношениях. Государства просили Суд срочно указать временные меры, чтобы не допустить

исполнения смертных приговоров, и Международный Суд указал, что США должны принять все доступные им меры для того, чтобы осужденные не были казнены. В постановлении по делу, связанном с заявлением Германии, Суд также вменил в обязанность правительству США препроводить Постановление Суда Губернатору штата Аризона.

В указанных делах и аналогично по делу против Мексики, как отмечает автор, Международный Суд ООН в качестве предмета своих постановлений рассматривает не только права и обязанности государства, но и права индивидов, что является абсолютно новым элементом постановлений Международного Суда ООН.

В качестве вывода по анализу отмеченной В.С. Верещетиным тенденции расширения влияния постановлений Международного Суда ООН в национальной сфере, можно предположить, что усиление роли постановлений Международного Суда ООН происходит в связи с тем, что в рассмотренных делах речь идет не только о нарушении права государств, но и прав индивидов: для эффективного восстановления прав индивидов Суд не ограничивается установлением факта нарушений, но и определяет обязательные к исполнению государством меры для устранения этих нарушений.

Рассмотрим закрепление принципа обязательности постановлений Экономического суда Содружества Независимых государств. Статус данного международного судебного органа определен в Положении об Экономическом

суде Содружества Независимых Государств⁵. Пункт 4 Положения устанавливает:

«По результатам рассмотрения спора Экономический суд принимает решение, в котором устанавливается факт нарушения государством-участником соглашений, других актов Содружества и его институтов (либо отсутствие нарушения) и определяются меры, которые рекомендуется принять соответствующему государству в целях устранения нарушения и его последствий. Государство, в отношении которого принято решение Суда, обеспечивает его исполнение».

Данная норма содержит подразумеваемую ссылку на обязанность государства исполнить постановление Экономического суда СНГ, при этом норма не является ярко выраженным императивом и содержит ссылку скорее на рекомендательный, нежели обязательный характер мер по исполнению. Вопрос обязательности постановлений Экономического суда СНГ в категоричной форме решен в Регламенте Экономического суда СНГ, утвержденном самим Экономическим судом.⁶

Так, п. 10.1 Регламента устанавливает: «Стороны обязаны принять меры по исполнению решения в установленный Судом срок. Если срок не установлен, решение подлежит исполнению в разумный срок.» Первый абзац пункта 10.3 повторяет формулировку п. 4 Положения об Экономическом суде СНГ: «государство, в отношении которого принято решение Суда, обеспечивает его

⁵ Положение об Экономическом суде Содружества независимых государств. Утверждено Соглашением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 06.07.1992 г. // Вестник ВАС РФ. N 1, 1992.

⁶ Регламент Экономического суда Содружества Независимых государств. Утвержден Постановлением Пленума Экономического Суда Содружества Независимых Государств 5 июля 1994 г.// Вестник ВАС. 1994. N 12.

исполнение, если иное не предусмотрено в договорах, соглашениях государств-участников Содружества».

Международный трибунал по морскому праву создан и действует на основании Статута Международного трибунала по морскому праву⁷. Статья 33 Статута устанавливает окончательность и обязательную силу решений Трибунала и по юридической технике напоминает статьи 59 и 60 Статута Международного Суда ООН:

«1. Решение Трибунала является окончательным и выполняется всеми сторонами в споре.

2. Решение имеет обязательную силу только для сторон и только в отношении данного спора.

3. В случае спора о смысле или охвате решения Трибунал по просьбе любой стороны дает его толкование»⁸

Принцип обязательности решений Европейского суда по правам человека для государств-участников определен статьей 46 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами».⁹ Таким образом, в данной норме также содержится принцип обязательности постановлений для государств-сторон данного дела. В связи с данной формулировкой статьи 46 Европейской Конвенции может возникнуть закономерный вопрос об обязательности постановлений

⁷ Приложение VI Конвенция по морскому праву Организации Объединенных наций. Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.

⁸ Статья 33 Статута Международного трибунала по морскому праву.

⁹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Рим, 4 ноября 1950 г.). Ст. 46. Собрание законодательства РФ. 8 января 2001 г. N 2. Ст. 163.

Европейского суда для заявителей – индивидов, неправительственных организаций или группы индивидов. Конвенция не дает прямого ответа на этот вопрос, однако можно предположить, что постановление Европейского суда обязательно и для заявителя. Такой вывод позволяет сделать анализ статьи 35 Конвенции и практики ее применения, согласно которым постановление о неприемлемости жалобы не подлежит обжалованию, и, соответственно, обязательно для заявителя, и статьи 43 Конвенции, предусматривающей строго ограниченный перечень оснований передачи дела в Большую палату после вынесения решения Палатой и подтвержденный практикой Суда крайне редко применяющийся «пересмотр» постановлений Палаты Большой Палатой¹⁰.

Подробнее вопрос обязательности постановлений Европейского суда по правам человека будет рассмотрен в § 1 главы 2.

Принцип обязательности постановлений международных органов нашел свое отражение и в международно-правовых документах, регламентирующих международное арбитражное судопроизводство. Арбитражные регламенты большинства стран соответствуют Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ¹¹ (одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 15 июня 1976 г.). В статье 32-2 регламента установлено, что "арбитражное решение является окончательным и обязательным для сторон". Важно учитывать положения Арбитражного регламента Европейской экономической комиссии ООН (документ от 20 января

¹⁰ Там же.

¹¹ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 15 июня 1976 г.). Розенберг М.Г. Контракт международной купли - продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.- М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 602 - 621.

1966 г.)¹². В статье 42 Регламента указано, что стороны обязуются незамедлительно выполнить арбитражное решение и при отсутствии законодательных положений о противном отказываются от апелляции арбитражных решений перед другими арбитражными и государственными судами.

Российская Федерация является участницей целого ряда международных конвенций и договоров, регулирующих вопросы признания и исполнения решений международных арбитражных судов. К ним относятся Нью-Йоркская конвенция 1958 года "О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений"¹³, "Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже" 1961 года¹⁴, Конвенция "О разрешении арбитражным путем гражданско - правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно - технического сотрудничества" 1972 года (Московская конвенция)¹⁵.

В частности, в соответствии со статьей 3 Нью-Йоркской Конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений», «Каждое Договаривающееся государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений, на условиях, изложенных в нижеследующих статьях. К признанию и приведению в исполнение арбитражных решений, к которым

¹² Текст документа см. Розенберг М.Г. Контракт международной купли - продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.- М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 622 - 632.

¹³ Ведомости ВС СССР. 23 ноября 1960 г. N 46. Ст. 421.

¹⁴ Ведомости ВС СССР. 28 октября 1964 г. N 44. Ст. 485.

¹⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIX.- М., 1975. С. 102 - 105.

применяется настоящая Конвенция, не должны применяться существенно более обременительные условия или более высокие пошлины или сборы, чем те, которые существуют для признания и приведения в исполнение внутренних арбитражных решений».

Необходимо отметить, что проведение принципа обязательности международных судебных органов для государств связано с реализацией общего принципа международного права - добросовестности исполнения международных договоров, так как международные судебные органы представляют собой органы контроля за исполнением международных обязательств.

Статья 27 Венской Конвенции «О праве международных договоров» устанавливает: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для статьи 46». Статья 46 Конвенции устанавливает:

1. Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения.

2. Нарушение является явным, если оно будет объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе

добросовестно и в соответствии с обычной практикой¹⁶.

Международные судебные органы являются механизмом контроля за исполнением государствами своих международных обязательств при разрешении конкретных международно-правовых споров, а также тем самым служат универсализации национального законодательства в тех сферах, где отношения регулируются и международным правом. Принцип обязательности постановлений судебных органов является важнейшим воплощением принципа добросовестного исполнения международно-правовых обязательств и его закрепление в международно-правовых актах призвано гарантировать международному сообществу взаимное выполнение обязательств и соблюдение международного правопорядка.

§ 2. Обязательная сила постановлений международных судебных органов для России: внутринациональное регулирование.

Принцип обязательности постановлений международных судебных органов в той или иной мере получает свое закрепление и развитие и в национальном законодательстве. Рассмотрим систему правовых актов Российской Федерации, определяющих последствия для государства вынесенных в отношении него постановлений международных судебных органов.

¹⁶ Венская Конвенция «О праве международных договоров» от 23.05.1969. Сборник международных договоров СССР. Вып. XLII.- М., 1988. С. 171 - 197.

Конституция Российской Федерации устанавливает, что «общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹⁷, а также устанавливает, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общеизвестным принципам и нормам международного права...»¹⁸. Часть 3 статьи 46 Конституции гарантирует право каждого на обращение в межгосударственные органы¹⁹. Однако при этом статья не содержит отдельных положений, определяющих последствия постановлений международных судебных органов для государства. В данном случае возникает вопрос, случайно ли это: может быть, законодатель решил, что обязательность постановлений международных судебных органов охватывается общей нормой ч. 4 ст. 15 Конституции, но можно ли решения по конкретным делам отнести к общеизвестным принципам и нормам международного права? Либо законодатель считал необходимым определить степень последствий постановлений международных судебных органов в отдельных отраслях законодательства?

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации»²⁰ также содержит нормы о том, что международные договоры

¹⁷ Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Российская газета, N 237, 25.12.1993

¹⁸ ст. 17 Конституции РФ.

¹⁹ ч. 3 ст. 46 Конституции РФ.

²⁰ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 года N 101 – ФЗ. "Собрание законодательства РФ", 17.07.1995, N 29, ст. 2757.

являются частью правовой системы Российской Федерации, принципы добросовестности исполнения международных обязательств, и является законом, регулирующим порядок возникновения международно-правовых обязательств у Российской Федерации в целом, но не в результате вынесения в отношении государства постановления международного судебного органа.

Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»²¹ в части 3 статьи 6 устанавливает, что «обязательность на территории Российской Федерации постановлений судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами Российской Федерации».

Однако данный принцип не получил закрепления и развития в процессуальном законодательстве Российской Федерации. В Гражданском процессуальном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ нормы о признании обязательности актов международных судов Российской Федерацией отсутствуют. Анализ процессуального законодательства показывает, что отсутствует и единый подход к законодательной технике закрепления последствий вынесенных решений отдельных международных органов, хотя такой подход предполагался бы логичным исходя из содержания упомянутой нормы Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации».

²¹ Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года N 1 – ФКЗ. (в ред. Федерального конституционного закона от 15.12.2001 N 5-ФКЗ). Первоначальный текст документа опубликован в изданиях "Российская газета", N 3, 06.01.1997, "Собрание законодательства РФ", 06.01.1997, N 1, ст. 1.

Так, Арбитражный процессуальный кодекс РФ содержит в п. 7 статьи 311 в качестве одного из оснований пересмотра вступившего в силу судебного акта «установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении арбитражным судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский суд по правам человека». Еще раз отметим, что норм, регулирующих последствия вынесенных в отношении России решений других международных судебных органов Арбитражный процессуальный кодекс РФ не содержит, а в статье 16 и главе 31 АПК РФ речь идет лишь о порядке исполнения решений иностранных судов.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 413 предусматривает в качестве одного из оснований возобновления производства по делу в связи с новыми обстоятельствами вынесение постановления Европейским судом по правам человека. В статье указано, что среди прочих новыми обстоятельствами являются:

«...установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод;...».

Пункт 5 статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса РФ устанавливает: «Пересмотр приговора, определения или постановления суда по обстоятельствам, указанным в пунктах 1 и 2 части четвертой статьи 413 настоящего Кодекса, осуществляется Президиумом Верховного Суда Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации не позднее одного месяца со дня поступления данного представления. По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации или постановлением Европейского Суда по правам человека. Копии постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации в течение 3 суток направляются в Конституционный Суд Российской Федерации, лицу, в отношении которого принято данное постановление, прокурору и Уполномоченному Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека».

Таким образом, Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусмотрел последствия постановлений Европейского суда и детальную процедуру их применения только в отношении возобновления производства по делу. Несмотря на то, что первое основание возобновления производства - применение закона, не соответствующего Конвенции, Кодекс не

регламентирует действий властных органов по приведению законодательства в соответствие с Конвенцией, что, впрочем, может считаться оправданным с точки зрения юридической техники (достаточно сложно предусматривать такие последствия в процессуальном законодательстве), и может быть преодолено комплексным толкованием обязательств государства после ратификации Конвенции. Тем не менее, отсутствие общей нормы о признании обязательности актов международных судебных органов как таковых вряд ли можно признать оправданным.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР после внесения в него изменений федеральным законом от 7 августа 2000 года²² содержал статью 13, устанавливающую, что «обязательность на территории Российской Федерации актов судов иностранных государств, международных судов и арбитражей определяется международными договорами Российской Федерации», однако с 1 февраля 2003 года он утратил силу, и в действие вступил новый Гражданский процессуальный кодекс РФ, и вышеуказанная норма исчезла из сферы регулирования гражданского процесса. Более того, в отличие от Арбитражного процессуального кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ Гражданский процессуальный кодекс РФ даже не содержит такого последствия постановления Европейского суда по правам человека, как пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Как отмечает Г.В. Игнатенко: «Совершенно необъяснимо отсутствие равнозначного предписания в Гражданском процессуальном кодексе РФ. В этом акте имеется статья об

²² Гражданский процессуальный кодекс РСФСР в редакции Федерального закона от 25.07.2000 г.

основаниях для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений суда, вступивших в законную силу (статья 392). Однако в перечне такого рода оснований отсутствует ссылка на нарушение судом РФ при рассмотрении гражданского дела положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, установленное Европейским судом по правам человека по обращению заявителя. Только элементарная небрежность могла породить такой пробел, явно недопустимый при обилии рассматриваемых Европейским судом индивидуальных жалоб, обусловленных сопоставлением решений и определений российских судов по гражданским делам и конвенционных предписаний. Кажется допустимым, пока не внесено дополнение в ГПК, упразднение этого пробела и внедрение в гражданское судопроизводство возможных последствий постановлений Европейского суда в форме разъяснения и предписания Пленума Верховного Суда РФ.»²³

Рассмотрим специальные акты, касающиеся регулирования вопросов правовых последствий постановлений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»²⁴ установил основы обязательности исполнения постановлений Европейского суда по правам человека Российской Федерацией: «Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной

²³ Г.В. Игнатенко. Современные аспекты судебного правоприменения международных актов.//Материалы всероссийской научно-практической конференции «Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе РФ». Екатеринбург. УрГЮА.2003. с. 23.

²⁴ Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ. "Российская газета", N 67, 07.04.1998

по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.»²⁵

Как известно, постановления Европейского суда завершаются выводами о нарушениях соответствующих норм Конвенции либо об отсутствии нарушений и о присуждаемой компенсации. Однако в основном тексте постановления юридическая характеристика предполагаемых нарушений Конвенции включает в себя оценку права и правоприменительной практики государства, в том числе и национальных судебных решений, с достаточно определенными суждениями, ориентирующими государство на пересмотр законодательства и практики правоприменительных органов.²⁶ Основные цели и направления деятельности Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде в данной сфере содержатся Положении «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека», утвержденном Указом Президента Российской Федерации²⁷. П. 4 Положения устанавливает, что основными функциями Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, являются:

«изучение правовых последствий решений Европейской комиссии по правам человека и Суда для государств - членов Совета Европы и

²⁵ Там же.

²⁶ Г.В. Игнатенко. Указ. соч.

²⁷ Положение «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека», утвержденное Указом Президента РФ от 29 марта 1998 года N 310.

подготовка с учетом прецедентного права Совета Европы рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики;

обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при исполнении решений Комитета министров Совета Европы и Суда в связи с исками о нарушении Российской Федерацией своих обязательств по Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая восстановление нарушенного права и выплату истцам денежной компенсации».

Таким образом, данный акт указывает на координирующую роль института Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде в процессе реализации Постановлений Европейского суда по правам человека и предупреждении новых нарушений.

Однако необходимо отметить, что если в двух проанализированных выше актах более или менее конкретно урегулированы вопросы последствий актов международных судебных органов, то речь идет в данном случае только о Европейском суде по правам человека. Как же быть с иными международными судебными или схожими с ними международными органами, например, актами Комитета по правам человека ООН, который выносит рекомендации в отношении Российской Федерации, однако

российское законодательство никаким образом не выразило позиции по вопросу обязательности или механизма следования этим рекомендациям?

Такое состояние национального законодательства заметно снижает конструктивную роль постановлений международных органов для национального законодательства и практики, способно повлечь за собой тотальное неисполнение вынесенных в отношении Российской Федерации постановлений, так как в важнейших процессуальных актах для признания обязательности постановлений международных органов отсутствуют какие-либо правовые основания.

После первых постановлений Европейского суда по правам человека, эта проблема стала более видимой, и новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»²⁸ урегулировало часть вопросов о последствиях вынесенных постановлений международных органов. П. 8 Постановления устанавливает, что «Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации».

П. 9 Постановления указывает на обязательность правильного толкования международных норм, указывая, что неверное толкование по смыслу части 4

²⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5 от 10.10.2003 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»//Бюллетень Верховного суда Российской Федерации N 1 2004.

статьи 15 Конституции Российской Федерации, статей 369, 379, части 5 статьи 415 УПК РФ, статей 330, 362-364 ГПК РФ может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права. Данный пункт фактически дополняет основания к отмене или изменению судебных актов, содержащиеся в процессуальных кодексах, расширительно толкуя понятие неверного применения норма материального права, что вытекает из части 4 ст. 15 Конституции РФ. Таким образом, Постановление достаточно широко трактует полномочия российских судебных органов в сфере применения норм международного права и устанавливает последствия их неверного применения. Необходимо отменить, что в случае с толкованием и применением Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод задача усложняется, ведь Российская Федерация признала обязательной юрисдикцию Европейского суда по правам человека в сфере толкования и применения Конвенции, а значит, применению в конкретных делах подлежат прецеденты Европейского суда. Если же они будут истолкованы и применены неверно, решение подлежит отмене. Следовательно, вышестоящие суды должны обладать необходимыми знаниями и навыками прецедентного права Европейского суда, чтобы тщательно контролировать правильность применения этих прецедентных норм.

Несмотря на то, что данный вопрос будет более подробно исследоваться далее, нельзя не отметить, что данное Постановление Пленума Верховного Суда - фактически признание того, что в сфере регулирования отношений внутри государства появился новый источник права – международный судебный прецедент. Отстаивая традиционную точку зрения о том, что российская система права не рассматривает судебный прецедент в качестве источника права, нельзя не отметить, что решения Европейского суда, вынесенные против России, несут в себе характер особой нормы права – именно международного прецедента, поскольку Европейский суд по этим делам уже признал нарушения прав и свобод, судебная система должна ориентироваться на вынесение решений, соответствующим стандартам Европейского суда и не допускающих в дальнейшем нарушений, аналогичным установленным.

П. 11 Постановления Пленума устанавливает: «Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем, чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод

граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер».

Положения, связанные с вынесением частного определения, отнесены на усмотрение суда, поскольку формулировка нормы устанавливает, что суд вправе (а не обязан) вынести частное определение. Кроме того, обращает на себя внимание и сложность выполнения на практике общего требования для судов действовать в пределах своей компетенции для обеспечения обязательств государства, связанных с участием в Конвенции. Учитывая особенности международной прецедентной системы, которая сложилась в правоприменительной практике Европейского суда по правам человека, предполагается, что содержание этих обязательств можно точно установить только тщательно исследовав практику Европейского суда по определенному вопросу, а национальные суды, как правило, такой работы при рассмотрении конкретного дела не проводят.

Последующие пункты Постановления Пленума Верховного суда посвящены толкованию отдельных статей Европейской Конвенции и обязательности применения принципов, установленных в постановлениях, вынесенных против Российской Федерации.

Данное постановление можно считать достаточно прогрессивным документом, так как оно разъясняет судьям порядок применения норм Конвенции в свете вынесенных в отношении Российской Федерации

постановлений Европейского суда, и, учитывая обязательность Постановлений Пленума Верховного суда для всех судов общей юрисдикции, и традиционный авторитет органов высшей судебной власти и документов, ими издаваемых, для судов низшего уровня, можно предполагать, что Постановление Пленума будет способствовать позитивной практике судов всех уровней по исполнению Россией международных обязательств в сфере обеспечения и защиты прав человека. Более того, Постановление дает понятие общепризнанных международных норм и принципов, распространяет понятие «неправильное применение норм материального права» и на случаи неприменения или неверного применения норм международного права, и тем самым сглаживает недостатки и пробелы, содержащиеся в законодательстве. Кроме того, Постановление собственно содержит указание на то, какие именно последствия для Российской Федерации должно иметь то или иное решение Европейского суда по правам человека, вынесенное в отношении нашего государства.

В следующей главе будут рассмотрены нормативные положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод об обязательности актов Европейского Суда для государств, а также о мерах, которые необходимо предпринять государствам для исполнения своих обязательств по Конвенции.

Глава 2. Обязательный характер решений Европейского суда по правам человека для государств-участников Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практика исполнений постановлений.

§ 1. Нормативное обоснование обязательности решений Европейского суда по правам человека для государств-участников Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и обязательства по исполнению решений Европейского Суда.

Особое значение принцип обязательности постановлений международных судебных органов для государств-участников имеет в международно-правовых документах, регламентирующих контрольный механизм по защите прав человека и основных свобод. Статья 46 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод как важнейшего регионального международного договора в области защиты и обеспечения прав человека устанавливает обязательную природу постановлений Европейского суда в отношении государств, которые приняли на себя обязательства по Конвенции и в отношении которых были установлены нарушения.

Статья 46 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁹ устанавливает:

²⁹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Рим, 4 ноября 1950 г.). Ст. 46. Собрание законодательства РФ. 8 января 2001 г. N 2. Ст. 163.

1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются выполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

Из положения части 1 статьи 46 Конвенции явно следует, что решения Суда имеют обязательный характер.

«В то же время, - пишет М. Лобов³⁰, - решения Суда квалифицируются нередко как носящие декларативный характер в том смысле, что они ограничиваются декларацией (объявлением) того, в чем состоит нарушение Конвенции в данном конкретном деле, но помимо назначения денежной компенсации не уточняют тех мер индивидуального или общего характера, которые государство-ответчик должно принять с тем, чтобы исполнить данное решение...»

Тема юридических последствий решений Европейского суда для государств-участников Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод пока мало изучена в Российской Федерации. В литературе и прессе обсуждается, как правило, достаточно узкий и не представляющий особой проблемы вопрос относительно так называемых финансовых последствий решений Европейского суда по правам человека, предусмотренных статьей 41 Конвенции:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или

³⁰ М. Лобов «Контроль за исполнением решений Европейского суда»//Европейский суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства/под ред. Б. Петранова, А. Деменевой

Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

Однако финансовыми вопросами правовые последствия вынесенных постановлений не исчерпываются. М. Лобов указывает следующее: «Статья 46 лежит в основе всего механизма Конвенции и она же объясняет главное отличие этого договора от других инструментов классического международного права. В рамках Конвенции решения международного судебного органа обрели строго обязательный характер и впервые была установлена процедура систематического контроля за их исполнением со стороны межправительственного органа. Именно эти элементы во многом определили современную роль Конвенции как «конституционного инструмента европейского правопорядка», в рамках которого права человека уникальным образом стремятся превратиться из категории политической в категорию правовую».³¹

Как уже отмечалось, статья 41 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающая выплату компенсации – самое видимое и, по причине своей определенности и разового характера, самое исполнимое обязательство. Может быть, неслучайно в структуре Конвенции эта норма расположена перед статьей 46 Конвенции, устанавливающей общую обязательность постановлений Европейского суда для государств, против

³¹ М. Лобов. «Исполнение решений Европейского суда по правам человека: возможные правовые последствия для Российской Федерации»//Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. N 3 (36) 2001 С. 109

которых они вынесены. Каковы же иные обязательства, налагаемые на государство в результате вынесения против него решения Европейским судом? Как эти обязательства определяются, ведь ни в тексте самой Европейской Конвенции, ни в резолютивной части постановления суда нет указания на те меры, которые должно предпринять государство для устранения нарушений?

Необходимо обозначить основные причины такого положения: «Европейский суд по правам человека исходит из принципа уважения демократических правовых институтов государств-участников Конвенции и их правовых систем. Европейский Суд, признав факт нарушения Конвенции, не вправе отменять положения внутреннего законодательства, требовать такой отмены или осуществления определенных мер органами исполнительной власти. Суд не вправе также отменить по жалобе заявителя приговор или решение, вынесенное национальным судом. Конвенция о защите прав человека и основных свобод является международно-правовым договором суверенных государств и не предусматривает наделение Суда подобными полномочиями»³².

Авторы книги “Theory and Practice of the European Convention on Human Rights”³³ также подчеркивают, что у Европейского Суда отсутствует юрисдикция устанавливать для государств обязательства принять по решению суда определенные меры. В частности, в решении по делу *Pakelli v. Germany*³⁴ Европейский Суд указывал, что у него отсутствует юрисдикция устанавливать для государств обязательства принимать определенные меры, например,

³² Н. Витрук. «Обязательства России как государства-участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод»//Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. N 1. (42) 2003. с. 149

³³ P. van Dijk, G.J.H. van Hoof “Theory and Practice of the European Convention on Human Rights”. Kluwer Law International, The Hague, The Netherlands 1998. p. 258.

³⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Pakelli v. Germany* от 25 апреля 1983 г.

определенным способом устранить нарушение, установленное Судом. Суд постоянно указывает, что он оставляет государству право выбора средств в своих внутренних правовых системах, чтобы исполнить свои обязательства по статье 53.³⁵

В деле *Corigliano v. Italy*³⁶ Суд признал неприемлемым требование, указанное заявителем в жалобе, - приказать государству признать не применяющимися некоторые статьи Уголовного кодекса в политических процессах.

Также требование опубликовать выдержки из решения Европейского суда по правам человека в местных газетах, или требование об устранении записи о судимости заявителя в файлах полиции, не относятся к вопросам юрисдикции Европейского суда по правам человека³⁷.

В деле *Vozano v. France*³⁸ заявитель требовал от суда рекомендовать французскому правительству выйти с инициативой к Итальянскому правительству через дипломатические каналы о применении к заявителю помилования и освобождении его от уголовной ответственности. Правительство указывало, что у Суда нет таких полномочий, а также то, что подобные вопросы не связаны с предметом спора. Более того, Суд не имеет полномочий указывать Франции вмешиваться в решения, вынесенные итальянскими судами. Суд

³⁵ «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять решения Суда по спорам, в которых они являются сторонами» - текст статьи 53 в редакции Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. 19.03.1985 г. (ныне текст статьи 46 Конвенции).

³⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Corigliano v. Italy* от 10 декабря 1982 г. Ser. A 57., p. 17.

³⁷ P. van Dijk, G.J.H. van Hoof "Theory and Practice of the European Convention on Human Rights". Kluwer Law International, The Hague, The Netherlands 1998. p. 259.

³⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Vozano v. France* от 18 ноября 1986 Ser.A. N 111.

далеко не пошел с выводами относительно заявлений Правительства, он просто признал заявленные заявителем требования неприемлемыми.

«Трудно воздержаться от мнения, что Суд даже не хочет вступать в обсуждение вопроса, имеет ли он полномочия делать такие рекомендации, о которых просил заявитель» - комментируют авторы “Theory and Practice of the European Convention on Human Rights” – «в тех делах, в которых применение *restitutio in integrum* невозможно, как в данном деле, суду не остается ничего, как просто присудить справедливую компенсацию. Однако заявитель требовал от Суда рекомендации определенных мер, о которых ничего не сказано в Конвенции»³⁹

Вместе с тем государства-участники Конвенции не могут игнорировать решения Европейского Суда. Их реакция на решения Европейского суда заключается в исправлении той правовой ситуации, которая привела к нарушению прав и свобод человека, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней.

«Решение Европейского Суда по правам человека – это катализатор свободных и самостоятельных действий государств по совершенствованию законодательства, судебной и иной правоприменительной практики, формированию правовой политики, логически вытекающей из решений Суда»⁴⁰.

Проведенный анализ показывает, что Конвенция в своем тексте содержит требование обязательности постановлений Европейского суда по правам

³⁹ P. van Dijk, G.J.H. van Hoof “Theory and Practice of the European Convention on Human Rights”. Kluwer Law International, The Hague, The Netherlands 1998. p. 259.

⁴⁰ Н. Витрук. «Обязательства России как государства-участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод»//Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. N 1. (42) 2003. с. 149.

человека. Между тем, специфика международного нормативного регулирования состоит в том, что ни Конвенция, ни постановления Европейского суда не содержат тех конкретных мер, которые обязаны предпринять государства в качестве правовых последствий вынесенных постановлений. В связи с этим в следующем параграфе будет исследована практика, сложившаяся в европейских государствах, по вопросам способа реагирования на постановления Европейского суда по правам человека, наличия в национальном законодательстве специальных положений, предусматривающих действия государства после принятия в отношении него постановления о нарушении Конвенции, либо отсутствия таких законодательных положений и принятие государством мер реагирования на постановления Европейского суда в силу самого факта ратификации Конвенции и закрепления в ней принципа обязательности постановлений Суда.

В соответствии с установленной практикой толкования статьи 46 Конвенции Европейским судом и Комитетом министров Совета Европы, на сегодняшний день является общепризнанным, что констатация Европейским судом одного или нескольких нарушений Конвенции налагает на государства обязательство «положить конец нарушению и устранить его последствия с целью восстановления, насколько это возможно, ситуации, существовавшей до нарушения (*restitutio in integrum*)».

Это и есть так называемые меры индивидуального характера. Кроме того, как также неоднократно устанавливалось самой практикой Суда и Комитета Министров, решение Суда влечет за собой обязательство принятия

«действенных мер для предотвращения новых нарушений Конвенции, подобных нарушениям, выявленным решениями Суда»⁴¹.

Таким образом, на практике речь может идти о совершенно конкретных мерах, которые не обязательно ограничиваются выплатой присуждаемой Судом денежной компенсации. Эти обязательства основываются прежде всего на общих принципах международного права, в частности, принципе добросовестного исполнения международных обязательств.

Проблема определения государством пределов влияния решений Европейского суда по правам человека стала предметом обсуждения ведущих европейских юристов на международной конвенции для практикующих юристов, прошедшей 27-29 сентября 1996 года в Кракове⁴².

Эгберт Майер в своем докладе «Общие замечания о влиянии Европейской Конвенции по правам человека на внутринациональное законодательство (опыт Голландии)» указывает следующее: «Не думайте, что вы застрахованы от влияния Европейской Конвенции, принятой в 1950 году. Европейский суд отметил, что «Конвенция является живым организмом, который следует интерпретировать в свете условий сегодняшнего дня». Европейский суд дает оценочные интерпретации, в которых основные права предоставляются практически и эффективно, а не теоретически. Вы должны быть готовы к тому, что должны будете принять новые положения законодательства, чтобы быть в

⁴¹ см. Предварительная резолюция Комитета Министров ДН (99) 434 от 9 июля 1999 г. по исполнению Турцией решений, касающихся нарушений Конвенции силами безопасности; Предварительная резолюция ДН (2000) 135 от 25 октября 2000 года по исполнению Италией решений, касающихся нарушений статьи 6 Европейской Конвенции.

⁴² «Европейская Конвенция по правам человека в Центральной и Восточной Европе: первый практический опыт.» Материалы международной конференции для практикующих юристов. 27-29 сентября 1996 г. Norwegian Bar Association - Polish Bar Association – Human Rights Commission.

соответствии со Страсбургским прецедентным правом. К примеру, если Вы не будете в состоянии выполнить требования о проведении слушания в назначенный срок вследствие трудностей структурного характера, вам, возможно, придется назначить дополнительных судей»⁴³

Относительно юридической силы на национальном уровне решений Европейского суда, автор пишет следующее: «Решения Страсбургского суда фактически считаются решениями Конституционного суда и как таковые не оставляют никакой возможности национальным судебным органам стран, подписавших договор, принимать иные решения в будущем. Это имеет место даже если решение Страсбургского суда входит в противоречие с так называемым принципом традиции, являвшимся национальным принципом на протяжении многих веков. Этой связи стоит вспомнить о знаменитом деле *Tyger v. UK*.⁴⁴, в котором Европейский суд по правам человека вынес решение о том, что на острове Мэн следует прекратить наказание розгами. Если Европейский суд вынесет решение, входящее в противоречие с существующим в данный момент в Нидерландах стандартным прецедентным правом, судебные органы Нидерландов принимают это к сведению и считают необходимым изменить свое прецедентное право. Такое может случиться раз или два раза в год. Из двух приведенных мной примеров видно, что это происходит на основе Страсбургского законодательства, применяемого не только против самих Нидерландов, но и против других стран-участниц, конечно, при условии, что аргументы Суда достаточно ясны и сформулированы в достаточно общих

⁴³ Там же. С. 46.

⁴⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Tyger v. the United Kingdom* от 25 апреля 1978 г. Сер.А., N 26.

категориях, чтобы иметь значение для национальной системы. Таким образом, после вынесения решения по делу *Poitrimol v. France*⁴⁵, Нидерланды были поставлены в известность, как может закончиться дело *Lala v. Netherlands*».

Необходимо добавить, что с 1990 года голландское правительство проводит официальную политику сравнения новых законов с международным законодательством и европейским прецедентным законодательством с целью выявления возможного несоответствия. И это также можно расценивать как последствия предыдущих вынесенных в отношении государства постановлений Европейского Суда. Прошло, однако 25-30 лет, пока судебные органы Нидерландов не согласились с тем, что прецедентное право Европейского суда имеет огромное значение для нашей собственной системы и что предпочтение надо отдавать именно применению Конвенции.

Эгберт Майер, анализируя законодательство и практику Нидерландов, указывает, что даже при отсутствии в законодательстве норм о конкретных последствиях, которые может иметь постановление Европейского суда о том или ином нарушении Конвенции, государство непосредственно в силу своих обязательств по Конвенции, должно принять наиболее адекватные меры для приведения законодательства и практики в соответствие с Конвенцией. Конвенции и постановлениям Европейского суда отдана приоритетная роль в определении стандартов защиты прав человека и национальное право должно ориентироваться именно на эти стандарты.

⁴⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Poitrimol v. France* от 23 ноября 1993 года.

Другие европейские ученые рассматривают вопросы исполнения постановлений Европейского суда через призму универсальности международно-правовых обязательств и проблемы имплементации международных актов в национальную правовую систему, что неслучайно, ведь, например, для Великобритании проблема имплементации Конвенции в национальную систему и меры по исполнению постановлений Европейского суда достаточно серьезно связаны. Так, Andrew Z. Drzemczewski⁴⁶ объясняет позицию «быстрого реагирования» на нарушения Конвенции необходимостью изменений в национальном законодательстве тем, что «Европейская Конвенция о защите прав человека является международным соглашением, а также возможным механизмом унификации в данной сфере». В данном случае принцип добросовестного исполнения международных обязательств означает, что государство должно предпринимать различные меры, чтобы соблюдать положения этих договоров, кроме того, это подразумевает обязательства к другим сторонам-участникам Конвенции. Если этот механизм отсылает к вопросам, которые связаны с национальным правовым порядком, существует принцип, согласно которому договаривающиеся стороны должны гарантировать, чтобы их национальное право соответствовало принятым на себя международным обязательствам.

Однако автор указывает, что для исполнения обязательств государства по Конвенции не имеет значения, имплементирует ли оно Конвенцию в свое национальное законодательство, является ли Конвенция частью правовой

⁴⁶ Andrew Z. Drzemczewski. "European Human Rights Convention in domestic law. A comparative study. 1983. Clarendon Press. Oxford.

системы или действует непосредственно по принципу приоритета международных обязательств: «хотя Конвенция является частью правовой системы многих государств-участников Конвенции, не имеет значения, несут ли положения Конвенции по национальному законодательству большую юридическую силу или соответствующее национальное законодательство благодаря системе имплементации полностью отдает приоритет национальной системе»⁴⁷.

В главе «Определение конкретных обязательств, налагаемых на государства Конвенцией», автор указывает следующее: «Изучение национального (внутреннего) эффекта международных соглашений, таких, как Европейская Конвенция, поднимает множество проблем. С одной стороны, должно быть определено, в каком отношении и до какой степени существует прямая связь между конституционным правом, национальным процессом и международным договорным правом. С другой стороны, должно быть определено, какое влияние обязывающий характер таких соглашений имеет на судебные и другие национальные властные органы государства-участника».⁴⁸

Автор подчеркивает, что по Конвенции нет такого обязательства инкорпорировать положения Конвенции в национальное законодательство, и приведение законодательства и практики в соответствие с Конвенцией может проводиться иными способами. И Комиссия, и Европейский суд по правам человека поддерживают данное положение. Профессор Sperduti в меморандуме

⁴⁷ Там же. р. 17.

⁴⁸ Там же. р. 35.

по делу *Ireland v. the United Kingdom*⁴⁹ указывает: «Конвенция формально не требует, чтобы Высокие Договаривающиеся стороны инкорпорировали ее в национальную правовую систему или придавали ей особую позицию как источнику национального права. Государства в принципе свободны в выборе средств, которые лучше им подходят для гарантий реализации прав и свобод, установленных в Конвенции. Поскольку граждане живут по национальному праву, именно национальное право должно гарантировать эффективное пользование правами и гарантиями, которые им предоставляют международные организации»⁵⁰

Тем самым, в данной концепции нормы Конвенции рассматриваются через призму их конструктивной, преобразующей роли по отношению к национальному законодательству – что положительного они могут принести в национальную правовую систему.

Авторы статьи «О формировании научной концепции имплементации норм Европейского права в России» Ю.В. Трунцевский, В.В. Гриб указывают на необходимость согласования российского права с европейскими правовыми стандартами по правам человека путем инкорпорации международно-правовых норм в национальное законодательство. Механизм имплементации основан на двух уровнях – национальном и международном. Национальный уровень – система правовых инструментов, способствующих закреплению и отражению во внутригосударственном законодательстве тех правовых норм, которые признаны государствами-членами Совета Европы в качестве стандартов. Что

⁴⁹ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Ireland v. the United Kingdom* от 18 января 1978

г.

⁵⁰ Doc. Cour (77) 24. Memorial Field on 22 Apr. 1977 on Art. 1 of the Convention para 3.

касается применения норм европейского права в национальных правовых системах, то одной из главных проблем является их толкование. Предполагается, что к толкованию норм европейского права должны применяться такие же правила, что и при толковании договора в целом. Национальные суды в своей практике должны применять европейскую норму не как факт, который необходимо рассматривать и толковать по национальным правилам, а применять эту норму по правилам толкования, установленным в Совете Европы.⁵¹

Mark Janis, Richard Kay и Anthony Bradley⁵², рассматривая вопрос эффективности действия международных норм и их значимости в свете позитивного влияния на государственное право, указывают, что система международно-правовых норм, созданная на основе Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод является не только важнейшим сводом прецедентного права, касающегося существа прав человека, но и одним из самых наглядных и интересных примеров эффективности международно-правовой процедуры.

«Разумеется, система Европейского права не воплощается каким-либо сувереном в Европе, а ее институты не входят ни в одну из наднациональных систем суверенной власти. В некоторых отношениях это делает европейское право о правах человека хорошей моделью. С точки зрения Вебера международно-правовую систему, подобную системе международного права в

⁵¹ Ю.В. Трунцевский, В.В. Гриб «О формировании научной концепции имплементации норм европейского права в России». Международное публичное и частное право. 2001. N 4. с. 2.

⁵² Mark Janis, Richard Kay и Anthony Bradley. European Human Rights Law. Text and materials. Oxford. University Press. Second Edition. p. 3.

области прав человека, можно достаточно точно определить как систему правового принуждения, построенную на применении как психологических, так и физических средств и оказывающую как косвенное, так и прямое воздействие на участников системы, конкретно – на государства».

Р. Арнольд, рассматривая модели влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на конституционные системы, отмечает, что основное направление, в котором наиболее четко прослеживаются последствия прецедентной практики Европейского суда по правам человека, это конституционно-судебное, процессуальное направление развитие европейского конституционализма в последнее время. Этот аспект обеспечения основных прав с помощью механизма специального конституционного суда является эффективным механизмом применения международных стандартов, содержащихся в решениях Суда, непосредственно в национальной правовой системе. Международно-правовые обязательства, содержащиеся в Конвенции, и их конкретизация на уровне прецедентной практики Европейского Суда по правам человека способствуют тому, что конституционно-правовые оценки в делах, имеющих значение для основных прав, ориентируются на стандарт, заданный Конвенцией. «Хотя конституции и Конвенция, несмотря на связи между ними представляют собой два различных уровня гарантий основных прав, существует вполне естественное стремление конституционных судов не принимать решений, которые могут противоречить воззрениям Страсбурга. Для конституционного суда означало бы потерю авторитета, если бы его решение по

какому-либо делу не получило одобрения со стороны Европейского суда по правам человека в Страсбурге»⁵³

В принципе, все авторы проанализированных монографий сходятся во мнении, что путем ли инкорпорации, либо путем законодательного или административного реагирования на установленные нарушения, государство обязано привести законодательство и практику в соответствие с Конвенцией. Однако необходимо учитывать, что предварительный анализ законодательства на предмет соответствия Конвенции (своего рода последствие ранее вынесенных против государства решений) как это происходит на сегодняшний день в Голландии, является более прогрессивным способом исполнения международных обязательств, так обязательства реализуются добровольно, до установления Европейским судом нарушения.

Поскольку исследование норм Конвенции показало, что Суд интересуется достигнутый результат устранения и предупреждения нарушения, но он не устанавливает необходимых для принятия мер, в следующем параграфе будут рассмотрены различные инициативы европейских государств по устранению нарушений и их превенции.

⁵³ Р. Арнольд. «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы»//Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2001. N 3 (36). С.87.

§ 2. Практика исполнения постановлений Европейского суда по правам человека в европейских государствах и их влияние на национальные правовые системы.

В данном параграфе будут исследованы меры, предпринятые и предпринимаемые государствами – участниками Конвенции для исполнения вынесенных в отношении них постановлений Европейского суда о нарушении Конвенции.

Постановление Европейского суда направляется в Комитет министров Совета Европы, который осуществляет надзор за исполнением судебного решения. Суд может по просьбе Комитета выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и протоколов к ней.⁵⁴

Принятое по конкретному делу на основе жалобы заявителя решение Европейского суда, признавшее факт нарушения одной или нескольких статей Конвенции государством-участником договора, передается руководству этого государства, которое должно принять соответствующие меры по выполнению судебного вердикта.⁵⁵

Как уже отмечалось, выбор мер Суд предоставляет самому государству. На государстве лежит обязанность выбрать такие способы устранения

⁵⁴ Статья 47 Конвенции о защите прав человека в редакции Протокола N 11 О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией// СЗ РФ.1998.N 44.Ст.5400.

⁵⁵ С.А. Горшкова. «Россия и юридические последствия решений Европейского суда по правам человека»//Журнал Российского права. 2000. N 5/6. С. 91.

нарушений, чтобы они способствовали не только максимально возможному восстановлению ситуации в прежнем виде, но и не допускали подобных нарушений в последующем.

Степень влияния постановлений Европейского суда по правам человека на национальную правовую систему во многом зависит от добросовестности исполнения государством своих обязательств, вытекающих из постановлений Европейского суда и понимания достаточности мер, которые предпринимает государство, и в целом, от законодательной концепции, которая сложилась в государстве в отношении данного вопроса.

Как было выяснено в предыдущей главе, в Конвенции отсутствуют определенные, конкретно указанные меры, а Европейский суд не указывает таких мер в своих постановлениях.

В решении по делу *Scozzari and Guinta v. Italy*⁵⁶ Суд указал, что «государства в принципе свободны в выборе средств, которые ими будут использоваться для выполнения этих обязательств». Суд добавил, однако, что выбор средств для исполнения решения проходит под контролем Комитета Министров, который в силу своей функции в рамках Конвенции следит за исполнением решений Суда.

И тем не менее, в государствах - участниках сложилась более или менее определенная система мер, которые государства предпринимают под влиянием решений Европейского суда для приведения своих законодательства и практики в соответствие с Конвенцией. Как уже отмечалось, Конвенция не содержит

⁵⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Scozzari and Guinta v. Italy* от 13 июля 2000 г.

указания ни на термины «меры индивидуального характера», «меры общего характера», ни на содержание мер, которые могут быть и должны быть предприняты государством для выполнения своих обязательств по Конвенции. Вследствие этого источником определения указанных мер является практика Европейского суда по правам человека и Комитета Министров, которая достаточно четко сложилась по данному вопросу – что следует понимать под индивидуальными и общими мерами и что государство может и должно предпринять по определенному виду указанных нарушений.

Как показывает анализ прецедентов Европейского суда по правам человека, меры индивидуального характера преследуют цель прекращения нарушений, продолжающихся во времени, и устранения последствий нарушений, совершенных в прошлом, с целью восстановления, насколько это возможно, ситуации, которая имела место до нарушения Конвенции. (*restitutio in integrum*). В некоторых случаях *restitutio in integrum* невозможно ввиду самого характера нарушения. Например, при нарушении статей 2 или 3 Конвенции невозможно восстановить ситуацию в том виде, в котором она существовала до совершения нарушения .

Тем не менее, в других делах ущерб, нанесенный заявителю, может быть реально компенсирован лишь посредством принятия государством-ответчиком мер с тем, чтобы приблизиться, насколько это возможно, к *restitutio in integrum*.

Часто встречающийся в практике Европейского суда пример меры индивидуального характера – это снятие наложенной в нарушение Конвенции судимости или восстановление неправомерно изъятых прав. Так, в деле

Obershlik v. Austria⁵⁷ заявитель был в нарушение Конвенции осужден за публикацию определенных материалов. В этом и подобных случаях помимо выплаты возможной денежной компенсации для исполнения решения предполагается отмена приговора или снятие судимости, наложенной этим приговором.

Также одним из видов индивидуальных мер является пересмотр внутренними судами дела, в котором было установлено нарушение Конвенции. Вопрос о пересмотре дела внутренними судами возникает, прежде всего, в случае серьезных нарушений процессуального характера, которые могли повлиять на сам исход судебного разбирательства – в частности, речь идет о грубых нарушениях статьи 6 Европейской Конвенции.

Так, С.А. Горшкова отмечает при анализе пересмотра дел национальными судами в связи с решениями Европейского суда по правам человека, что особый интерес представляют случаи повторного рассмотрения дел или отмены приговоров национальными судебными органами в связи с решениями Европейского суда. Подавляющее число дел из тех, по которым были приняты решения, касались нарушения норм, закрепляющих право на справедливое судебное разбирательство. В связи с этим национальные судебные органы прежде всего учитывали факт признания Европейским судом нарушения таких требований, как соблюдение принципа беспристрастности судей в ходе судебного разбирательства, принципа презумпции невиновности, соблюдения

⁵⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу Obershlik v. Austria от 23 мая 1991 г., Резолюция DH (93) 60 от 14 декабря 1993 г.

прав лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, и других прав.⁵⁸

В деле *Barbera v. Spain*⁵⁹ три заявителя были приговорены к длительным срокам заключения испанскими судами по обвинению в совершении террористического акта. Подробно изучив заявленные в жалобе нарушения статьи 6, Европейский суд установил, что условия ведения дела в испанском суде лишили заявителей права на справедливое судебное разбирательство. Можно согласиться, что для исполнения этого решения автоматическая отмена приговора не стала бы адекватной мерой. Единственной возможностью осуществить *restitutio in integrum* был новый судебный процесс по данному делу с предоставлением всех процессуальных гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции. Именно с таким ходатайством и обратились заявители в испанские суды. Необходимо отметить, что испанское законодательство не предусматривало выявление Европейским судом нарушения Конвенции в качестве основания пересмотра дела, и тем не менее, дело все же было пересмотрено. Правовым основанием для этого стало решение Конституционного Суда Испании по жалобе заявителей о том, что сохранение в силе приговора, вынесенного с нарушением Конвенции, противоречит конституционному правопорядку Испании. В результате пересмотра все трое заявителей были оправданы за недостатком доказательств.

⁵⁸ С.А. Горшкова. «Россия и юридические последствия решений Европейского суда по правам человека.»//Журнал российского права. 2000. N 5/6.

⁵⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Barbera, Messegue, Jabardo v. Spain* от 6 декабря 1988 г.

Во исполнение решения по делу *Unterprinter v. Austria*⁶⁰ 21 июля 1987 года Верховный суд Австрии по заявлению Генерального прокурора отменил решение Инсбрукского апелляционного суда от 4 июня 1980, и 13 января 1988 года апелляционный суд оправдал заявителя на основании отсутствия доказательств. Апелляционный суд также указал, что заявителю должны быть присуждены суммы компенсации материального ущерба.⁶¹

Необходимо отметить, что и государства, которые стали участниками Конвенции достаточно давно, также на практике имеют внутризаконотательные проблемы с возобновлением разбирательства в национальном суде. Так, в деле *Van Mechelen v. Netherlands*⁶² было констатировано нарушение статьи 6 Конвенции. Каких-либо правовых оснований для судебного пересмотра дела законодательство Нидерландов не предусматривало, и были приняты чрезвычайные меры исполнительной властью – министр юстиции издал приказ о досрочном освобождении заявителей.⁶³

Еще один вид мер индивидуального характера – это меры, принимаемые государством-ответчиком после констатации нарушений Конвенции вследствие высылки иностранных граждан со своей территории (нарушение статей 3 и 8 Европейской Конвенции). Исполнение решений в таких делах, как *Chahal v. U.K.*⁶⁴, *Mehemi v. France*⁶⁵ требовало от государств отмены мер по высылке.

⁶⁰ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Unterprinter v. Austria* от 24 ноября 1986 г. Сер. А N 110.

⁶¹ См. Резолюция Комитета Министров ДН (89) 2 от 18 января 1989 года.

⁶² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Van Mechelen v. Netherlands* от 23 апреля 1997 г. п. 59-65.

⁶³ Резолюция ДН (99) 124 от 19 февраля 1999 г.

⁶⁴ см. решение Европейского суда по правам человека по делу *Chahal v. U.K.* от 15 ноября 1996 г.

⁶⁵ см. решение Европейского суда по правам человека по делу *Mehemi v. France* от 26 сентября 1997 г.

Меры общего характера предпринимаются государствами с целью предотвращения в будущем новых нарушений Конвенции, подобных тем, которые были выявлены в решениях Суда. «Огромная важность мер общего характера состоит в том, что они, по определению, выходят за пределы данного конкретного дела и затрагивают широкий круг лиц. Принятие мер общего характера подразумевает прежде всего анализ причин, приведших к нарушению Конвенции, и поиск путей устранения этих причин»⁶⁶.

Ю.Ю.Берестнев обосновывает влияние постановлений Европейского суда по правам человека на национальные правовые системы именно прецедентным характером решений Суда: «Прецедентный характер решений, выносимых Европейским судом по правам человека, оказывает всевозрастающее влияние на национальные правовые системы европейских стран. За пятьдесят лет его работы государства-участники страсбургского контрольного механизма около 300 раз принимали меры общего характера, внося по итогам рассмотрения жалоб в Европейском суде или Европейской комиссии по правам человека соответствующие коррективы в свое законодательство и право.»⁶⁷

Анализ Резолюций Комитета Министров в отношении исполнения европейскими государствами постановлений Европейского суда, в которых установлены нарушения, показывает, что в общем виде по дальнейшим мерам реагирования со стороны государств, нарушения, установленные Европейским судом по правам человека в его постановлениях в отношении государств-участников, можно разделить на две большие группы: постановления, для

⁶⁶ Keir Starmer. European Human Rights Law. Legal Action Group 1999. p. 25.

⁶⁷ Ю. Берестнев. «Меры общего характера. Влияние практики Европейского суда на реформирование национальных правовых систем» // Российская юстиция. 2001. N 12. С 65.

исполнения которых требовалось внесение изменений в законодательство и постановления, для исполнения которых государство меняло правоприменительную практику. Естественно, что способы исполнения зависели также от характера установленных Европейским судом нарушений.

Как правило, если причиной нарушения Конвенции являются законодательные нормы, находящиеся в противоречии с нормой Конвенции, законодательные изменения будут необходимы для того, чтобы предотвратить новые нарушения Конвенции. Так, после вынесения Европейским судом по правам человека решения по делу *Assenov v. Bulgaria*⁶⁸ болгарским властям пришлось провести реформу Уголовно-процессуального законодательства. Проблемы были связаны с отсутствием судебного контроля за задержанием, чрезмерной длительностью содержания под стражей и отсутствием у арестованного возможности потребовать в судебном порядке изменения меры пресечения. В ходе исполнения решения по делу Болгария пересмотрела указанные положения своего Уголовно-процессуального кодекса. Все эти меры указаны в резолюции Комитета Министров Совета Европы по исполнению решения.⁶⁹

Основные вопросы, связанные с внесением изменений в национальное законодательство, рассматривались в резолюциях Комитета министров также по следующим делам.

⁶⁸ см. решение Европейского Суда по правам человека по делу *Assenov v. Bulgaria* от 28 октября 1998 г.

⁶⁹ См. Резолюция ДН (2000)109 от 2 октября 2000 г.

В деле *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*⁷⁰ было признано нарушение статьи 5 Европейской Конвенции, поскольку ограничивалось право определенных лиц (занимающихся бродяжничеством и не имеющих постоянного места жительства и постоянной работы) обжаловать решения о заключении их под стражу. Закон, принятый Бельгией во исполнение данного решения 6 августа 1971 года, стал предусматривать право на подачу апелляционной жалобы на решения полицейских судов, принятых в отношении бродяг.

В результате постановления по делу *Golder v. the United Kingdom*⁷¹ в Тюремные правила 1964 года были внесены изменения. Согласно новым правилам, заключенному предоставлялось право самостоятельно инициировать гражданское дело или консультироваться с солиситером на предмет подачи гражданского иска.⁷²

Для исполнения Постановления по делу *Marckx v. Belgium*⁷³ государство приняло Закон от 31 марта 1987 года, который устранил дискриминацию в отношении имущественных прав незаконнорожденных детей.⁷⁴

В деле *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium*⁷⁵ было установлено, что требования статьи 6.1 Конвенции применимы и к некоторым дисциплинарным процедурам (автономные понятия Конвенции), и принятый в результате исполнения данного постановления Закон от 13 марта 1985 года

⁷⁰ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium* от 18 июня 1971 года.

⁷¹ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Golder v. the United Kingdom* от 21 февраля 1975 г.

⁷² см. Резолюция Комитета Министров ДН (76) 35 от 22 июня 1976 года.

⁷³ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Marckx v. Belgium* от 13 июня 1979 г.

⁷⁴ см. Резолюция Комитета Министров ДН (88) 3 от 4 марта 1988 года

⁷⁵ см. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium* от 23 июня 1981 года.

предусмотрел, что при ряде условий дисциплинарные процедуры в Апелляционном Совете должны быть публичными.⁷⁶

В деле *Dudgeon v. the United Kingdom*⁷⁷ было установлено нарушение статьи 8 Европейской Конвенции в сочетании со статьей 14 Конвенции в связи с тем, что законодательство Северной Ирландии предусматривало уголовную ответственность за гомосексуальные контакты. Указ Северной Ирландии о гомосексуальных преступлениях, введенный в действие 9 декабря 1982 года, декриминализовал гомосексуальные связи между лицами от 21 года и старше, за исключением психически нездоровых лиц, служащих в вооруженных силах и моряков торговых судов.⁷⁸

В деле *Campbell and Cosans v. the United Kingdom*⁷⁹ было установлено, что законодательство Соединенного Королевства, предусматривающее телесные наказания в образовательных учреждениях, не соответствует статье 3 Европейской Конвенции о защите прав человека. Закон об образовании 1986 года, вступивший в силу в Соединенном Королевстве 15 августа 1987 года, отменил телесные наказания в государственных школах Королевства, а также в школах, которым государство оказывает финансовую поддержку.⁸⁰

Чтобы избежать трудностей при организации судебного пересмотра дела после выявленных Европейским судом нарушений Конвенции, государства-участники начали предусматривать в своем законодательстве соответствующие

⁷⁶ см. Резолюция Комитета Министров ДН (85) 13 от 28 июня 1985 года

⁷⁷ см. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Dudgeon v. the United Kingdom* от 22 октября 1981 года.

⁷⁸ см. Резолюция Комитета Министров ДН (83) 13 от 27 октября 1983 года.

⁷⁹ см. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Campbell and Cosans v. the United Kingdom* от 25 февраля 1982 года

⁸⁰ см. Резолюция Комитета Министров ДН (87) 9 от 25 июня 1987 года.

юридические основания для пересмотра дел и толковать более широко ранее существовавшие нормы. Так, после вынесения Европейским судом по правам человека решения по делу *Наккаг v. France*⁸¹ было установлено нарушение статьи 6 в отношении заявителя, поскольку национальный суд провел слушание в отсутствие заявителя и его адвоката.

Не имея правовых оснований к судебному пересмотру, Франция внесла поправки в Уголовно-процессуальный кодекс, позволяющие возобновлять судебное разбирательство после констатации нарушения Конвенции. «В этой связи, а также учитывая продолжающиеся дискуссии о реформировании российских уголовного, гражданского и административного процессов, для нас представляют большой интерес шаги, предпринятые французскими властями на основании рекомендаций и решений страсбургских судебных инстанций по делу *Хаккара*.»⁸²

Вот лишь некоторые примеры законодательных изменений, которым последовали государства-участники Конвенции после вынесения Европейским судом по правам человека постановлений, из текста которых вытекало, что требования национального законодательства не соответствуют гарантиям, содержащимся в Конвенции.

Вторая группа постановлений, исполнение которых потребовало других мер, не связанных с внесением изменений в законодательство для приведения его в соответствие с Конвенцией, более объемна.

⁸¹ *Наккаг v. France*, Резолюция Комитета министров (2001) от 14 февраля 2001 г.

⁸² Ю. Берестнев. «Меры общего характера. Влияние практики Европейского суда на реформирование национальных правовых систем» // *Российская юстиция*. 2001. N 12. С 65.

Помимо законодательных мер могут применяться меры практические, такие, как, например, по итальянским делам, где установлено множество фактов нарушения разумных сроков судебного разбирательства. Италия пытается решить эту проблему путем принятия на работу большего количества судей.

Также необходимой мерой общего характера может быть изменение судебной практики. Применение Конвенции внутренними судами является одной из самых эффективных мер, обеспечивающих применение европейских стандартов защиты прав еще на национальной стадии. М.Лобов пишет об этих мерах: «Такое прямое действие решений Европейского суда по правам человека часто способно автоматически предотвратить новые нарушения Конвенции, подобные тем, которые уже были выявлены в предыдущих решениях. В тех странах, где такое прямое действие решений Суда имеет место, публикация судебного решения в юридических изданиях иногда может быть достаточной для его исполнения, так как суды автоматически принимают во внимание опубликованные решение и, соответственно, предотвращают подобные нарушения в своей практике.»⁸³

Дело *Rigeisen v . Austria*⁸⁴ стало поводом для пересмотра Конституционным Судом Австрии своих постановлений в части толкования термина «гражданские права и обязанности» и применения толкования, даваемого Европейским судом по правам человека в данном деле, в котором рассматривалось нарушение статьи 6.1 Конвенции.

⁸³ Михаил Лобов. «Исполнение решений Европейского суда по правам человека: возможные правовые последствия для Российской Федерации»//Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. N 3 (36) 2001 С. 111.

⁸⁴ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Rigeisen v . Austria* от 16 июля 1971 года.

В деле *Castells v. Spain*⁸⁵ Конституционный суд Испании в своем постановлении от 25.10.1993 указал, что прецедентное право Европейского суда по правам человека представляет собой критерий для интерпретации конституционных норм, гарантирующих права и свободы человека и гражданина и должно быть непосредственно применимо в испанской правовой системе.

Установление Европейским судом по правам человека нарушения статьи 3 в деле *Ireland v. the United Kingdom*⁸⁶ привело к тому, что Премьер-министр сделал торжественное заявление, что 5 технологий допроса, которые были признаны Европейским судом нарушающими статью 3 Европейской Конвенции, больше применяться не будут. Кроме того, были предприняты меры, гарантирующие заключенным защиту от ненадлежащего обращения (медицинские осмотры, тщательное проведение расследований по фактам, содержащимся в жалобах заключенных, строгие инструкции для сотрудников силовых служб). 14 граждан, которых касалось дело и в отношении которых было установлено нарушение, подали иски о взыскании ущерба в Высокий Суд Северной Ирландии, и им были присуждены суммы компенсации от 10 000 до 25 000 фунтов стерлингов.

Результатом установления нарушения статьи 6 Конвенции в деле *Airey v. Ireland*⁸⁷ стало установление системы правовой помощи и консультирования по

⁸⁵ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Castells v. Spain* от 23 апреля 1992 года.

⁸⁶ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Ireland v. the United Kingdom* от 18 января 1978 года.

⁸⁷ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Airey v. Ireland* от 9 октября 1979 года

гражданским делам. Первые правовые центры были открыты 15 августа 1980 года.⁸⁸

В результате исполнения решения по делу *Granger v. the United Kingdom* в государстве была реформирована система управления правовой помощью. Министр юстиции издал методические указания, которые были распространены по апелляционным судам 4 декабря 1990 года. После постановления Европейского суда апелляционные суды могут делать рекомендации о пересмотре решений об отказе в предоставлении правовой помощи.⁸⁹

Решение по делу *Lingens v. Austria*⁹⁰ было доведено государством до сведения компетентных судов, которые тем самым были обязаны применять статью 111 Уголовного кодекса в соответствии со статьей 10 Конвенции, как это было истолковано Судом в его решении.⁹¹

Решение Европейского суда по правам человека по делу *Moustaquim v. Belgium*⁹² было широко распространено среди компетентных административных и судебных властей, чтобы принималась во внимание практика Европейского суда по правам человека при рассмотрении аналогичных дел.

При исполнении решения по делу *Minelli v. Switzerland*⁹³ Управлению юстиции в Цюрихе, Швейцарскому федеральному суду и Коллегии адвокатов Швейцарии был направлен текст решения Европейского суда по данному делу⁹⁴.

⁸⁸ см. Резолюция Комитета Министров ДН (81) от 22 мая 1980 года.

⁸⁹ См. Резолюция Комитета Министров ДН (91) 29 от 18 ноября 1991 года.

⁹⁰ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Lingens v. Austria* от 8 июля 1986 года.

⁹¹ См. Резолюция Комитета Министров ДН (87) 2 от 16 января 1987 года.

⁹² См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Moustaquim v. Belgium* от 18 февраля 1991 года.

⁹³ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Minelli v. Switzerland* от 25 марта 1983 года. Сер. А. N 62.

⁹⁴ См. Резолюция Комитета Министров ДН (83) 10 от 21 июня 1983 года

Также решение по делу *Shonenberger and Durmaz v. Switzerland*⁹⁵ было распространено в Швейцарских правовых кругах, чтобы обеспечить в дальнейшем учет требований Европейского суда в процессе цензуры корреспонденции между заключенными и их адвокатами. Федеральный суд сослался на решение Европейского суда по данному делу в своем постановлении от 2 ноября 1988 года.⁹⁶

Решение по делу *Saidi v. France*⁹⁷ было опубликовано в бюллетене кассационного суда, чтобы гарантировать его распространение на национальном уровне.⁹⁸ Как указывает С.А. Горшкова, опубликование решения Европейского суда в основных периодических юридических изданиях страны является важным моментом в реализации решения, поскольку таким образом оно становится доступным для юристов и юридических организаций⁹⁹.

Решение Европейского суда по правам человека по делу *Jersild v. Denmark*¹⁰⁰ было применено Верховным судом Дании для оправдания журналиста, который обвинялся в нарушении частной жизни министра. Это решение одно из целого ряда, в котором Верховный суд Дании и апелляционные суды применяли юриспруденцию Европейского суда.

После вынесения постановления Европейского суда по делу *Ribitsch v. Austria*¹⁰¹ Министерство внутренних дел Австрии опубликовало решение в циркуляре от 21 мая 1996. Полицейские власти проинструктировали

⁹⁵ см. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Shonenberger and Durmaz v. Switzerland* от 20 июня 1988 года

⁹⁶ см. Резолюция Комитета Министров ДН (89) 12 от 27 апреля 1989 года.

⁹⁷ См. Решение по делу *Saidi v. France* от 20 сентября 1993 года.

⁹⁸ Резолюция Комитета Министров ДН (94) 12 от 3 февраля 1994 года.

⁹⁹ С.А. Горшкова «Россия и юридические последствия решений Европейского суда по правам человека. // Журнал Российского права. 2000. N 5/6. с. 94.

¹⁰⁰ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Jersild v. Denmark* от 23 сентября 1994 года.

¹⁰¹ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Ribitsch v. Austria* от 4 декабря 1995 года.

соответствующие подчиненные подразделения о применении решения. Кроме того, решение сейчас используется на тренингах для полицейских.¹⁰²

При исполнении решения *Abdoella v. the Netherlands*¹⁰³ вслед за тщательным изучением решения Верховным судом и апелляционными судами, председатели апелляционных судов организовали регулярные совещания по контролю и мониторингу за организацией апелляционных процедур.¹⁰⁴

При исполнении решения по делу *Kokkinakis v. Greece*¹⁰⁵ в инструкции от 3 августа 1993 года Министр юстиции привлек внимание компетентных юридических властей к их обязанности интерпретировать греческое право в соответствии с требованиями данного решения. С 1994 года было только два осуждения по факту прозелитизма.¹⁰⁶

В деле *E. v. Norway*¹⁰⁷ при его исполнении норвежские власти распространили инструкцию по всем судам с разъяснением выводов, содержащихся в решении Европейского суда. Было отдельно указано, что должны быть предприняты меры, чтобы гарантировать, чтобы вопрос предварительного заключения решался незамедлительно.¹⁰⁸

После вынесения Европейским судом решения по делу *Delta v. France*¹⁰⁹ судебная коллегия по уголовным делам пересмотрела свою предыдущую практику. Она указала в деле *Randhawa*, в частности, ссылаясь на пп. "d" части 3 статьи 6 Конвенции, что в апелляции, когда сделано заявление о допросе

¹⁰² См. Резолюция Комитета Министров ДН (97) 351 от 11 июля 1997 г.

¹⁰³ См. Решение Европейского суда по правам человека от 25 ноября 1992 года.

¹⁰⁴ См. Резолюция Комитета Министров ДН (95) 91 от 7 июня 1995 года.

¹⁰⁵ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Kokkinakis v. Greece* от 25 мая 1993. Сер. А. N 260.

¹⁰⁶ См. Резолюция Комитета Министров ДН (97) 576 от 15 декабря 1997 года.

¹⁰⁷ См. Решение Европейского суда по делу *E. v Norway* от 29 августа 1990 года. Сер. А. N 181.

¹⁰⁸ См. Резолюция Комитета Министров ДН (91) 16 от 6 июня 1991 года.

¹⁰⁹ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Delta v. France* от 19.12.1990 г.

свидетелей обвинения, чьи показания не противоречили показаниям обвиняемого на ранних стадиях процесса, суд обязан указать, что они должны дать показания на публичном слушании.¹¹⁰

Следуя инкорпорации Конвенции в шведское право, после вынесения постановления по делу *Fredin v. Sweden*¹¹¹ Высший административный суд Швеции изменил свою практику с целью приведения ее в соответствие с юриспруденцией Суда.

Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека государствами-участниками может также включать и меры, связанные с межгосударственными отношениями. Так, в деле *Soering v. the United Kingdom*¹¹² было установлено нарушение статьи 3 Конвенции, и в дипломатической ноте от 28 июля 1989 Правительство Соединенного Королевства проинформировало власти США, что в экстрадиции заявителя по обвинению в преступлении, за которое возможна смертная казнь, отказано. Заявитель будет выдан только на условии, что он не будет преследоваться за какие-либо другие преступления кроме 2 случаев убийства первой степени. Власти США подтвердили в дипломатической ноте от 31 июля 1989 года, что в свете применимых положений Договора об экстрадиции 1972 года США запретит уголовное преследование заявителя в Вирджинии. Только на таких условиях заявитель был экстрадирован в США.¹¹³

¹¹⁰ см. Резолюция Комитета Министров DH (91) 31 от 18 ноября 1991 года

¹¹¹ см. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Fredin v. Sweden* от 23 февраля 1994 г.

¹¹² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Soering v. the United Kingdom* от 7 июля 1989 года. Сер.А N 161.

¹¹³ См. Резолюция Комитета Министров DH (90) 8 от 12 марта 1990 года.

С.А. Горшкова, исследуя механизм исполнения решений Европейского суда и контроль за выполнением национальными органами решений Европейского суда, отмечает следующую тенденцию: «Как показывает практика, решение Европейского суда по правам человека заставляет не только государство-ответчика, но и другие государства Совета Европы принимать меры по корректировке или изменению соответствующих правовых норм и положений в своей правовой системе. В некоторых случаях сам факт признания жалобы приемлемой и принятия ее к рассмотрению Европейским судом вынуждал страну, к которой предъявлялся иск, внести изменения в действующее законодательство, в систему управления или правоприменительную практику судебных органов. Например, в Италии 3 августа 1988 года были внесены дополнения в статью 6 Закона от 1956 г., что привело к отмене особой формы задержания, применение которой подверглось критике при рассмотрении и принятии решения Европейским судом по делу Киуллы против Италии от 22 февраля 1989 г.»¹¹⁴

Исследование практики государств – участников Конвенции и мер, нашедших свое отражение в Резолюциях Комитета Министров Совета Европы, показывает, что в качестве последствий постановлений Европейского суда могут рассматриваться:

- меры, предпринятые государством для приведения ситуации в прежнее состояние, существовавшее до нарушения (*restitutio in integrum*). Это меры индивидуального характера, направленные на устранение нарушения именно в

¹¹⁴ С.А. Горшкова. Указ. соч.

отношении заявителя, и чаще всего включают отмену высылки из страны, отмену приговора или решения, вынесенных в нарушение требований Конвенции, отмену иных мер, принятых в нарушение Конвенции;

- меры, предпринятые государством для предотвращения дальнейших нарушений Европейской Конвенции о защите прав человека и тем самым – предотвращения направления аналогичных жалоб в отношении государства: они, в свою очередь, могут быть условно подразделены на меры законодательного и практического характера.

* меры законодательного характера обязательно применяются государством в случае, если в постановлении Европейского суда установлено, что применимое в деле законодательство противоречит смыслу и духу Конвенции, а также применяются государством в некоторых других случаях, когда государство считает, что практических и административных мер будет недостаточно для изменения негативной практики;

* меры практического характера достаточно разнообразны, они могут включать:

- письма и инструкции исполнительных органов о запрете применения тех или иных положений законодательства до приведения закона в соответствие с Конвенцией, разъяснения, как толковать национальное законодательство в свете определенного постановления Европейского суда;

- информирование правоприменительных органов о решении, доведение его содержания до компетентных органов и требование применения национального законодательства в свете толкования, данного Судом;
- применение решений Европейского суда по правам человека непосредственно правоприменительными органами государства по аналогичным делам;
- сочетание административных и законодательных мер;
- использование дипломатических сношений для устранения и предупреждения нарушений;
- издание специального акта о применении в национальной системе решений Европейского суда по правам человека.

В следующей главе будет рассмотрен вопрос, как данная система мер применяется или может быть применена Российской Федерацией в связи с вынесенными в отношении государства постановлениями Европейского суда по правам человека.

Глава 3. Последствия постановлений Европейского суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации: состоявшиеся решения и модель эффективного взаимодействия прецедентного права Суда и российской правовой системы.

§ 1. Анализ решений Европейского суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации, и меры, принятые по их исполнению.

На момент написания работы в отношении Российской Федерации Европейским судом по правам человека вынесено 8 решений по существу.

Целью данного параграфа работы является анализ состоявшихся и прогноз ожидаемых, вероятных изменений в российской правовой системе под влиянием вынесенных Европейским судом решений, исходя из обязательств России по Конвенции, существующего российского законодательства об обязательности актов международных судебных органов, опыта других европейских государств, рассмотренных в работе ранее.

Первое решение - по делу Бурдов против России¹¹⁵. Жалоба заявителя касалась нарушения в отношении него со стороны Российской Федерации части 1 статьи 6 Европейской Конвенции и статьи 1 Протокола 1 к Конвенции в связи с длительным неисполнением решений национального суда о взыскании в его пользу компенсации за участие в ликвидации последствий аварии на

¹¹⁵ см. решение по делу *Burdov v. Russia* от 7 мая 2002 года. Перевод решения опубликован: «Российская газета» N 120. 4 июля 2002 г.

Чернобыльской атомной электростанции. Европейский суд в данном деле установил нарушение в отношении заявителя части 1 статьи 6 Европейской Конвенции, указав, что «не принимая на протяжении нескольких лет необходимые меры по исполнению вступивших в законную силу судебных решений по данному делу, власти Российской Федерации лишили положения части 1 статьи 6 Конвенции какого-либо полезного смысла»¹¹⁶. Кроме того, Европейский суд по правам человека установил в отношении заявителя нарушение права собственности, защищаемого статьей 1 Протокола 1 к Конвенции, поскольку «... невозможность для заявителя добиться исполнения указанных судебных решений..., является нарушением его права на уважение своей собственности, как оно изложено в первом предложении первого абзаца статьи 1 Протокола 1 к Конвенции. Не исполнив решения Шахтинского городского суда, власти государства-ответчика лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить. Власти государства-ответчика не выдвинули никаких оснований для такого вмешательства в реализацию права заявителя; при этом Суд полагает, что нехватка средств не может служить тому оправданием...»¹¹⁷

Резолюция Комитета министров по данному делу пока не принята, однако специалисты Комитета министров отмечают, что, по их данным, в России несколько улучшилась ситуация с исполнением решений национальных судов о присуждении компенсаций лицам, участвующим в ликвидации Чернобыльской

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

аварии. Объяснением этому можно представить административные меры, но пока рано что-либо говорить о прогрессе ситуации в самой структурной проблеме, с которой связано данное дело – со своевременностью исполнения решений российских судов. Не исключено, что для того, чтобы окончательно закрыть вопрос исполнения данного решения в Комитете министров, Российская Федерация должна будет отчитаться, какие меры общего характера были предприняты для улучшения ситуации с исполнением решений национальных судов о присуждении гражданам каких-либо денежных выплат вообще. Вероятность такого заключения подтверждается еще и тем, что и недавно вынесенное решение по делу Тимофеев против России¹¹⁸ аналогично решению по делу Бурдов против России, в нем также установлено нарушение части 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола 1 к Конвенции в связи с неисполнением решения национального суда о взыскании с государственных органов денежной компенсации ущерба, причиненных неправомерной конфискацией имущества.

Возникает вопрос, какие действия должно предпринять государство для исполнения двух постановлений Европейского суда, в которых фактически признается наличие в государстве структурной проблемы нарушения права лиц на справедливое судебное разбирательство и права собственности.

Комментируя постановление по делу Бурдов против России, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптев отметил:

¹¹⁸ см. решение по делу Timofeyev v. Russia от 23 октября 2003 года, <http://hudoc.echr.coe.int/hudoc>

"В соответствии с положениями ЕКПЧ Россия обязуется исполнять указанное постановление Европейского суда, - отметил П.Лаптев. - Одновременно властями РФ предпринимаются меры по устранению последствий имевшего место нарушения ЕКПЧ и предотвращению возникновения подобных ситуаций в будущем... Думаю, что это постановление заставит более уважительно относиться к своей собственной судебной системе, к решениям наших судов, - отметил П.Лаптев. - Об этом очень четко сказано в послании Президента Федеральному Собранию РФ"¹¹⁹.

Как можно увидеть из анализа практики других Европейских государств по исполнению решений Европейского суда по правам человека, даже публикация переводов решений Европейского суда в средствах массовой информации и применение национальными судами постановлений Европейского суда непосредственно в российской юриспруденции могут являться надлежащими и достаточными мерами для того, чтобы показать Комитету Министров Совета Европы результат исполнения вынесенных постановлений. Перевод первого решения против Российской Федерации был опубликован в «Российской газете»¹²⁰, более того, изучение судебной практики показывает, что национальные суды осведомлены о решении Бурдов против России и способны непосредственно применять его при рассмотрении российских дел. Несомненно, важным шагом на пути к применению постановлений Европейского суда по правам человека в России являются Постановления Конституционного суда Российской Федерации, в которых

¹¹⁹ "Российская газета. № 85 (3199). " 7 мая 2003 г.

¹²⁰ «Российская газета» N 120. 4 июля 2002 г.

достаточно широко при обосновании позиции Суда по тому или иному вопросу применяются ссылки на постановления Европейского суда как в отношении России, так и в отношении других европейских государств. В частности, О.И. Тиунов отмечал следующее: «... используя нормы Конвенции для аргументации решений, Конституционный Суд таким образом в пределах своих полномочий осуществляет реализацию этих норм. В этом плане требования Конвенции влияют на содержание правовой позиции Суда, одной из главных целей выработки которой является раскрытие конституционного смысла оспариваемой нормы. Использование положений Конвенции, по существу, может означать их применение в том смысле, что нормы Конвенции способны оказать влияние на содержание правовой позиции Суда, определяющей решение вопроса о конституционности или неконституционности обжалуемого нормативного акта. В ряде постановлений Конституционный Суд РФ использовал решения Европейского суда по правам человека. По сути, Конституционный Суд и в этих случаях применял положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но в том толковании, которые придал им Европейский суд в рассмотренных им делах.»¹²¹

Постановление по делу Бурдов против России стало основой позиции Конституционного суда по правам человека в его постановлении от 19 июня 2002 года «По делу о проверке конституционности ряда положений закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на

¹²¹ О.И. Тиунов. «О роли Конвенции о защите прав человека и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации»//Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. N 3 (36). С. 92.

Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций Чернобыльцев»¹²². В данном Постановлении Конституционный Суд РФ, ссылаясь на аргументы решения Европейского суда по делу Бурдова, указывает, что «... сама по себе статья 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 года не препятствует судам общей юрисдикции рассматривать иски о возврате недополученных сумм возмещения вреда. Если же судебные решения по таким делам вынесены, то они должны исполняться в установленные судом сроки, - в противном случае доступ к правосудию существенно ограничивается. При этом, как указано в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 7 мая 2002 года по делу "Бурдов против России", государство не вправе ссылаться на недостаток денежных средств как на причину невыплаты долга по судебному решению.

Длительное (более четырех лет) неисполнение законодателем решения Конституционного Суда Российской Федерации, принятого 1 декабря 1997 года, в силу статей 6, 79 и 80 Федерального конституционного закона "О

¹²² "Российская газета", N 118, 02.07.2002, "Собрание законодательства РФ", 08.07.2002, N 27, ст. 2779.

Конституционном Суде Российской Федерации" также недопустимо. К тому же нарушенное право нельзя считать реально восстановленным, если возвращаемые чернобыльцам суммы не будут надлежащим образом проиндексированы.»¹²³

Вслед за постановлением Конституционного суда РФ выводы Европейского суда по делу Бурдова стали применять и суды общей юрисдикции. Так, в решении Псковского городского суда Псковской области от 28 октября 2003 года¹²⁴ по иску Федорова Б.А. к Управлению социальной защиты города Пскова о понуждении к выплате сумм возмещения вреда, а также об обязанности ежеквартально повышать суммы выплат в возмещение вреда, указано, в частности, следующее: «Ответчик не учитывает, что присужденные истцу суммы являются его собственностью и ответчик не вправе удерживать их, затягивая получение сумм истцом. Сроки судебного разбирательства ответчик не вправе изменять. В эти сроки включается и период исполнения решения суда. Данные выводы суда подтверждаются п.40 и п.34 Постановления Европейского суда по правам человека от 7.05.2002 г. № 59498/00 по делу "Бурдов против России". При этом суд исходит из того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным

¹²³ П. 8.2. Постановления Конституционного суда РФ N 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций Чернобыльцев //Российская газета", N 118, 02.07.2002,"Собрание законодательства РФ", 08.07.2002, N 27, ст. 2779.

¹²⁴ Материалы дела № 2-1612/2003 Псковский городской суд Псковской области, председательствующий судья Каверина Г.П.

механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов. (Постановление Пленума ВС РФ № 5 от 10.10.2003 г.)»¹²⁵ Подобные решения - огромный шаг вперед в российской правовой системе, так как позволяют решить проблему нарушения прав в рамках государства, и не приводят к так называемому «клонированию» дел, тенденцию к которому мы наблюдаем даже при небольшом количестве рассмотренных по существу жалоб против Российской Федерации.

Здесь уместно вновь вернуться к такому виду последствий постановлений Европейского суда для государства, как судебный прецедент. Решение по делу Бурдов против России применялось Конституционным Судом Российской Федерации, а также национальными судами как норма, устанавливающая международные стандарты защиты прав индивида. П.А. Лаптев в статье «Прецеденты Европейского суда и российская судебная практика» указывает: «...сегодня следует задуматься о том, входят ли решения Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации. Это достаточно революционная постановка вопроса, но данная проблема заслуживает того, чтобы она была всесторонне проанализирована. Сегодня многие положения

¹²⁵ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.10.2003 N 5.

европейского права не могут быть выведены непосредственно из текста Конвенции, например, «разумный срок» расследования уголовных дел и предварительного заключения. Читая Конвенцию, Вы не получите представления о содержании данного понятия. Его конкретизация дана Европейским судом, который в своих решениях определил, что нарушением требования разумного срока является отсутствие движения по уголовному делу...Некоторые прецеденты Европейского суда уже восприняты Конституционным Судом РФ, который подает пример судам общей юрисдикции.»¹²⁶

Возвращаясь к проблеме исполнения решений национальных судов, поднятой в деле Бурдова против России, приходится констатировать, что принятых государством мер недостаточно для того, чтобы процесс исполнения решений в Российской Федерации был приведен в соответствие с международными стандартами. Как мы видели при анализе европейской практики исполнения, чаще всего изменение законодательства является мерой реагирования государства на установление Европейским судом в решении, что закон не соответствует Конвенции и практике ее применения. Однако законодательные меры применялись и применяются государством и в случаях, когда судом установлено нарушение права негативной правоприменительной практикой. В случае со структурно сложной проблемой исполнения решений судов в Российской Федерации представляется, что помимо применения судами юриспруденции международного органа и использования административных

¹²⁶ П.А. Лаптев. «Прецеденты Европейского Суда по правам человека и российская судебная практика»//Конституционное право: восточноевропейское обозрение.2002. N 1 (38).

мер государству необходимо оптимизировать законодательство об исполнительном производстве и механизм выплат по судебным решениям, ведь ни для кого из практиков не секрет, что исполнительное производство имеет две основные проблемы. Первая, имеющая значение при взыскании средств с любого субъекта, будь это государственный орган или частное лицо: отсутствие в законе сроков передачи исполнительных документов, поступивших в службу судебных приставов, конкретному судебному приставу-исполнителю, в то время как двухмесячный срок исполнения решения считается именно с момента поступления исполнительных документов конкретному сотруднику службы судебных приставов. Вторая проблема как раз связана со взысканием средств с государственных и муниципальных органов, бюджетных организаций - отсутствие средств, поскольку нередко взысканные по судебным решениям суммы значительно превышают полагающееся к выплате во внесудебном порядке, а также из-за отсутствия законодательного механизма защиты взыскателя, если у него имеются требования к такой организации. Представляется, что именно в направлении законодательного устранения указанных проблем должна проводиться работа государственных органов для приведения исполнительного производства в России в соответствие со статьей 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и исполнения постановлений Европейского суда по делам Бурдов против России и Тимофеев против России, поскольку, как уже неоднократно подтверждалось исследуемыми международными нормами и практикой, государство обязано

предпринять не просто формальные меры, а меры действенные и эффективные, для исполнения своих обязательств в сфере прав человека.

Второе решение Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации - решение по делу Калашников против России.¹²⁷ В соответствии с ним признано, что в отношении заявителя были нарушены положения статей 3, 5 и 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эти нарушения касаются условий его содержания в следственном изоляторе N 1 г. Магадана, а также сроков следствия и рассмотрения уголовного дела в суде по обвинению его в присвоении денежных средств.

П.А. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, прокомментировал данное решение и его влияние на российскую правовую систему следующим образом: «В отношении условий содержания Калашникова под стражей следует констатировать, что они не вполне соответствовали требованиям, предъявляемым к пенитенциарным учреждениям в других странах - членах Совета Европы. Однако при этом необходимо учитывать в целом неудовлетворительное состояние мест предварительного заключения и лишения свободы в Российской Федерации, которое вызвано причинами прежде всего финансово-экономического характера. В настоящее время в Российской Федерации реализуется Федеральная целевая программа "Реформирование уголовно-исполнительной

¹²⁷ См. решение *Kalashnikov v. Russia*, от 15 июля 2003 г. Перевод решения Деменевой А.В. опубликован в книге «Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика». Серия «Международная защита прав человека». Вып. 2. Екатеринбург 2003.

системы Министерства юстиции Российской Федерации на 2002 - 2006 годы", что позволит преодолеть имеющиеся трудности.

Что касается затянутых сроков следствия и судебного разбирательства, то со вступлением в силу нового УПК РФ, а также принимая во внимание, что Верховный суд РФ стал уделять этой проблеме самое пристальное внимание (в частности, виновные в судебной волоките по делу В.Е. Калашникова судьи отстранены от занимаемых должностей и более в судебной системе не работают), данные проблемы также начали решаться, и российская правовая система стала твердо основываться на европейских стандартах.»¹²⁸

Предварительная резолюция Комитета Министров в отношении исполнения постановления по делу Калашников против России¹²⁹ указывает:

«Комитет Министров Совета Европы принимает во внимание обязательство государств по п. 1 статьи 46 Конвенции, исполнять постановления Суда, что включает в себя принятие общих мер, предотвращающих новые нарушения подобного рода;

Делает акцент на необходимости принятия таких мер, если в решении установлено, что имеют место структурные проблемы, которые могут стать поводом для новых аналогичных нарушений Конвенции;

Предлагает Российской Федерации проинформировать о принятых или предпринимаемых мерах в соответствии с данным решением;

¹²⁸ «Российская газета» N 197. 17 октября 2002 г.

¹²⁹ Interim Resolution ResDH(2003)123 concerning the judgment of the European Court of Human Rights of 15 July 2002, final on 15 October 2002 in the case of Kalashnikov against the Russian Federation, Adopted by the Committee of Ministers on 4 June 2003 at the 841st meeting of the Ministers' Deputies // <https://wcm.coe.int/rsi/CM/index.jsp>

Принимает во внимание, что государство выплатило заявителю суммы компенсации,

Рассматривая информацию, представленную российской стороной в отношении предпринимаемых и планирующихся мер в отношении предупреждения нарушений;

Отмечает, что предпринятые и планируемые меры в данном деле тесно связаны с проведением уголовной реформы и реформы в уголовно-исправительной системе, и, приветствуя прогресс, достигнутый в данной сфере, также отмечает с удовлетворением, что имеет место значительное сокращение перенаполненности следственных изоляторов (СИЗО) и улучшение санитарных условий, как показывает недавняя статистика, представленная в Комитет российскими властями;

Тем не менее, Комитет Министров считает, что для решения структурной проблемы, обозначенной в решении по делу, необходимы дальнейшие меры.

Комитет Министров отмечает особую значимость соответствующих действий властей по снижению перенаполненности следственных изоляторов в тех местах, где эта проблема все еще существует (57 из 89 российских регионов), и продолжению улучшения санитарных условий содержания для приведения их в соответствие с Конвенцией.

На основании изложенного, Комитет Министров призывает российские власти продолжить и усилить проведение реформы по приведению учреждений предварительного заключения в соответствие с Конвенцией, в частности, как

это установлено в решении Калашников против России, чтобы предотвратить новые аналогичные нарушения;

Предлагает российским властям продолжать держать в курсе Комитет министров о конкретном изменении ситуации, в частности, путем предоставления соответствующей статистики, относящейся к перенаполненности следственных изоляторов и санитарных условий в учреждениях предварительного заключения.

Принимает решение на одном из совещаний не позже чем в октябре 2004 года, исследовать дальнейший прогресс, достигнутый в принятии Россией общих мер, необходимых для эффективного предотвращения данного типа нарушений Конвенции»¹³⁰.

Таким образом, как мы видим, последствиями данного дела должны стать изменения условий содержания лиц под стражей. Эффективным механизмом таких изменений и контроля влияния постановлений Европейского суда на российскую правовую систему является механизм контроля за исполнением постановлений Европейского суда, включающий обязанность государства регулярно предоставлять Комитету Министров Совета Европы информацию о мерах, предпринятых государством для предотвращения дальнейших нарушений, то есть, комплексного исправления ситуации и решение так называемой структурной проблемы, которая звучит в постановлении Суда как требующая реагирования со стороны государства. В приложении к

¹³⁰ Interim Resolution ResDH(2003)123 concerning the judgment of the European Court of Human Rights of 15 July 2002, final on 15 October 2002 in the case of Kalashnikov against the Russian Federation, Adopted by the Committee of Ministers on 4 June 2003 at the 841st meeting of the Ministers' Deputies // <https://wcm.coe.int/rsi/CM/index.jsp>

резолюции¹³¹ содержится информация, предоставленная Правительством Российской Федерации для рассмотрения мер по исполнению решений. Эта информация отражает понимание российскими властями проблемы, названной в постановлении Европейского суда, а также меры, предпринятые государством, и планируемые к принятию, что и является состоявшимися и ожидаемыми последствиями данного решения для Российской Федерации. Российская Федерация в своем докладе, представленном в Совет Министров, указывала, в частности, следующее:

«В отношении условий предварительного заключения, Правительство признает существование структурных проблем, обозначенных в решении по делу Калашников против России, и необходимость их решения в соответствии с обязательствами России по Европейской Конвенции. Это может быть продемонстрировано конкретными мерами, принятыми как перед, так и после вынесения решения по делу Калашникова от 15 июля 2002. Правительство, в частности, ссылается на две основные реформы, которые уже дали значительные результаты в сфере улучшения условий предварительного заключения и их прогрессивного приближения к требованиям Конвенции:

Применение положений Уголовно-процессуального кодекса, вступившего в силу 1 июля 2002 года, привело к снижению количества лиц, заключенных под стражу, в связи с передачей полномочий принятия решения о заключении под стражу судам и введении более строгих критериев помещения под стражу. Таким образом, в среднем количество лиц, помещенных под стражу в месяц

¹³¹ Appendix to Resolution ResDH(2003)123// <https://wcm.coe.int/rsi/CM/index.jsp>

снизилось с 10 000 в 2001 году до 3 700 в сентябре-октябре 2002 года. В результате, общее число лиц, к которым было применено заключение под стражу, снизилось с 199 000 в октябре 2001 года до 137 000 в октябре 2002 года, что значительно уменьшило проблему переполненности следственных изоляторов.

Федеральная программа реформирования пенитенциарной системы Министерства юстиции в 2002-2006 годах, принятая Постановлением Российского правительства 29 августа 2001 года, предусматривает постройку новых следственных изоляторов на 10 130 место и ремонт большого количества существующих СИЗО с целью улучшения санитарных условий в них. В 2002 году, 838 новых мест было создано в российских СИЗО.

Как результат вышеуказанных мер, жилое пространство на каждого заключенного увеличилось до 3, 46 квадратных метров к 1 января 2003 года. Планируются и дальнейшие улучшения. В 32 из 89 российских регионов число лиц, содержащихся в следственных изоляторах, больше не превышает лимита, установленного для данных следственных изоляторов.

В ноябре 2002 года, министр юстиции опубликовал обзор тех отчетов в Европейский Комитет по предотвращению пыток, который касается его посещений следственных изоляторов и тюрем. Правительство считает, что данная публикация будет наиболее полезна для тесного сотрудничества с Комитетом по предотвращению пыток по вопросам требований Конвенции к условиям заключения.

В отношении чрезмерной длительности судебного заседания российские власти указывают, что новый Уголовно-процессуальный кодекс достаточно действенен в предотвращении аналогичных нарушений, поскольку налагает строгие обязанности на суд и следствие по соблюдению процессуальных сроков.

После решения по делу Калашникова, заместитель председателя Верховного суда Российской Федерации направил во все суды субъектов Российской Федерации письмо, указывающее на недопустимость нарушения процессуальных сроков на основании нарушений, установленных Европейским судом в деле Калашникова. В письме делается акцент на том, что решение по делу Калашникова носит прецедентный характер и влечет очень серьезные последствия, поскольку оно отражает позицию Суда по важным вопросам, связанным с основными правами лица, привлекающегося к уголовной ответственности, включая право на рассмотрение дела в разумный срок. В письме указывалось требование ко всем судам строго соблюдать сроки, установленные Уголовно-процессуальным кодексом для расследования и судебного рассмотрения для предотвращения неоправданных задержек.

Правительство также опубликовало текст решения по этому делу (в русском переводе) в «Российской газете» (17 и 19 октября 2002 года). Решение также было опубликовано в ряде российских юридических журналов и базах данных, и поэтому доступно властям и общественности. Принимая во внимание широкое распространение решения по делу Калашникова и его обязывающий характер, Российское правительство надеется, что национальные суды будут принимать его во внимание, чтобы обеспечить обоснованность содержания под стражей,

как этого требует статья 5 Конвенции, и чтобы обеспечить разумные сроки рассмотрения дела, как этого требует статья 6 Конвенции.»¹³²

Самым сложным и противоречивым, пожалуй, на данный момент является третье решение Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации – решение по делу Посохов против России.¹³³ Проблему в данном деле составляет глобальность установленного Европейским судом по правам человека нарушения права на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона, ожидаемыми последствиями применения общих мер, и реально предпринятыми государством действиями.

В данном решении Европейским судом по правам человека было установлено, что состав суда с народными заседателями не соответствует требованиям статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством и ранее действующим гражданским процессуальным кодексом РСФСР, дела по первой инстанции в районном (городском) суде рассматриваются судьей единолично или коллегиально. Коллегиальный состав суда состоит из председательствующего судьи и двух народных заседателей.

Народными заседателями, как это определено в п. 2 статьи 1 федерального закона «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ»¹³⁴, являются лица, наделенные в порядке, установленном настоящим Федеральным

¹³² Appendix to Resolution ResDH(2003)123// <https://wcm.coe.int/rsi/CM/index.jsp>

¹³³ см. Решение Европейского суда по правам человека по делу Posokhov v. Russia от 4 марта 2003 года.

¹³⁴ см. Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ» N 37-ФЗ, «Российская газета» N 5 10.01.2000 г.

законом и федеральными процессуальными законами, полномочиями по осуществлению правосудия по гражданским и уголовным делам в составе суда и исполняющие обязанности судей на непрофессиональной основе.

До 02.01.2000 г. народные заседатели наделялись полномочиями в порядке закона «О судеустройстве РСФСР» 1981 года. В частности, статья 22 данного закона устанавливала, что народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на собраниях граждан по месту их работы или жительства.

Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции РФ» был принят 2 января 2000 года. Закон установил новый порядок наделения полномочиями народных заседателей и сроки исполнения ими полномочий.

Европейский суд по правам человека принял решение о признании нарушения права заявителя на рассмотрение его дела судом, созданным на основании закона. Европейский суд по правам человека признал, что рассмотрение уголовного дела заявителя народными заседателями, которые были назначены в нарушение порядка, установленного федеральным законом от 02.01.2000, является несовместимым с требованиями статьи 6 Конвенции и нарушает право гражданина на рассмотрение его дела судом, образованным в соответствии с законом.

Европейский Суд указал в своем решении, в частности, следующее: «Суд напоминает, что фраза «созданным на основании закона», относится не только к регламентации самого существования суда в силу закона, но также и к законности состава суда... Помимо невыполнения требований закона «О

народных заседателях» относительно выбора народных заседателей путем жеребьевки, и 14-дневного срока исполнения ими полномочий, Суд обращает особое внимание на тот факт, что Неклиновская районная администрация – орган, ответственный за назначение народных заседателей, подтвердил, что не имелось списка народных заседателей до 4 февраля 2000 года. Таким образом, властные органы не смогли представить никаких юридических оснований участия народных заседателей Стреблянской и Ховяковой в отправлении правосудия в день слушания дела заявителя, также принимая во внимание тот факт, что список народных заседателей, составленный 4 февраля 2000 года, вступил в силу только 15 июня 2000 после его утверждения Ростовским областным законодательным собранием. Эти обстоятельства, в совокупности, не позволяют Суду заключить, что Неклиновский районный суд, рассматривавший дело 22 мая 2000, может рассматриваться как «суд, образованный на основании закона».

Необходимо отметить, что ситуация, которая рассматривалась Европейским Судом по правам человека в данном деле, имела место во всех субъектах федерации, и признание Европейским судом нарушения в отношении конкретного заявителя также приводит к выводу, что на протяжении более чем двух лет во всей стране выносились приговоры и решения незаконными составами судей. Незаконным такой состав суда признал только Европейский суд, решение которого для Российской Федерации обязательно. И каковы же последствия?

Статья 413 УПК РФ рассматривает установленное Европейским Судом по правам человека нарушение Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела в качестве основания для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Однако необходимо учитывать, что нарушение установлено в отношении конкретного гражданина Посохова, в связи с конкретным уголовным делом и касалось конкретного состава суда.

Является спорным вопрос, могут ли другие граждане, чьи дела также рассматривались незаконным составом суда, сослаться на решение Европейского суда по делу Посохов против России в обоснование того, что международное правосудие признало несоответствие российской судебной системы статье 6 Конвенции, и нарушения, допущенные в деле гражданина, аналогичны нарушениям, установленным в деле Посохова. Можно предположить, что данное основание может относиться к «иным основаниям» пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, учитывая рассмотренный ранее прецедентный характер решений Европейского суда для государств-участников и во внутринациональном регулировании.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации вообще не содержит в качестве оснований для пересмотра вынесение Европейским судом решения о признании нарушения Конвенции.

Возможно, что отмена института народных заседателей с 2003 года – в гражданском процессе и с 2004 года – в уголовном процессе – предпринята государством, чтобы радикально устранить в будущем возможные негативные последствия, связанные с народными заседателями. Однако оставлены без

внимания нарушения 2000-2003 года, когда дела рассматривались незаконными составами судей. Как известно, Европейский суд сочтет, что государство предприняло меры внутреннего урегулирования, когда признало нарушение и предприняло меры к восстановлению ситуации в прежнее состояние, а также компенсировало лицу материальный и\или моральный ущерб.

Однако несмотря на то, что ситуация с незаконными составами суда носила массовый характер, государство не предприняло никаких мер по урегулированию вопроса. Конечно, абсолютно неконструктивным было бы в данном случае отмена и пересмотр всех вынесенных с участием народных заседателей приговоров и решений, это полностью деморализовало бы судебную систему. Однако в том случае, если гражданин ссылается на решение по делу Посохова и приводит доказательства незаконности состава суда по его делу (ответы из Законодательного собрания субъекта об отсутствии списков, ответы об отсутствии указанных в приговоре лиц в списках народных заседателей, и.т.д), непринятие данного аргумента судом кассационной или надзорной инстанции влечет за собой как грубое нарушение международных обязательств судебными органами, так и нарушение национального процессуального законодательства, так как незаконный состав суда является безусловным основанием к отмене приговора или решения в кассационном порядке.

В связи с этим, остается констатировать, что после решения Посохов против России жалобы в Европейский суд о незаконности состава суда в связи с рассмотрением дела неправомочными народными заседателями будут

направляться до тех пор, пока не истечет шестимесячный срок с момента вынесения последнего кассационного определения об оставлении в силе приговора, вынесенного с участием народных заседателей, то есть, как минимум еще в течение года, до конца 2004 года. Это очень негативный пример бездействия властей, о последствиях которого трудно догадываться, но одно из них несомненно: это наличие в Суде достаточно большого количества дел, аналогичных делу Посохов против России. Для Суда это прежде всего знак, что государством не предпринято действий для предупреждения жалоб по этому вопросу.

В деле Рябых против России¹³⁵ Европейским судом было установлено нарушение статьи 6 Европейской Конвенции в связи с тем, что отсутствие в прежнем гражданском процессуальном кодексе срока на принесение протеста в порядке надзора нарушало принцип правовой определенности судебного решения. Еще до вынесения решения по существу по данному делу Российская Федерация приняла новый гражданский процессуальный кодекс, в котором установлен годичный срок обращения с протестом в порядке надзора и надзорной жалобой, тем самым проблема соответствия гражданского процессуального законодательства Конвенции в аспекте правовой определенности судебного акта была решена.

О шестом решении по делу Тимофеев против Российской Федерации, уже ранее говорилось в связи с анализом решения по делу Бурдов против России.

¹³⁵ см. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ryabyh v. Russia*.

Седьмое решение было вынесено Европейским судом по правам человека 28 октября 2003 года по делу Ракевич против Российской Федерации.¹³⁶

Это первый случай, когда в отношении Российской Федерации Европейским судом было явно признано, что российское законодательство не соответствует Конвенции, что, несомненно, ставит вопрос о необходимости внесения изменений в законодательство, а именно, федеральный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹³⁷ и Гражданский процессуальный кодекс РФ с тем, чтобы гражданин имел право самостоятельно обжаловать в суде незаконность недобровольной госпитализации, и тем самым привести законодательство Российской Федерации в сфере оказания психиатрической помощи в соответствие с требованиями Конвенции.

Кроме того, в решении Европейского суда указано, что нарушены статьи 5.1. и 5.4 в связи с нарушением срока рассмотрения дела о недобровольной госпитализации, установленного национальным законодательством, а также нарушено требование Конвенции о незамедлительности судебного контроля, что ставит вопрос о необходимости изменения судебной практики.

Восьмое решение Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации по делу Кормачева против России¹³⁸ также касалось структурной проблемы правовой системы Российской Федерации – нарушения сроков разбирательства дел в суде. Европейский суд, оценив все обстоятельства дела, пришел к выводу, что рассмотрение трудового спора в суде в течение

¹³⁶ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia* от 28 октября 2003 года.

¹³⁷ См. Федеральный закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

¹³⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kormacheva v. Russia* от 29 января 2004 г.

более чем 5 лет нарушило право заявителя по статье 6.1 Конвенции на рассмотрение дела в разумный срок. Более того, Суд признал нарушение статьи 13 Европейской Конвенции в связи с тем, что в России отсутствует эффективная система мер защиты от нарушения права на рассмотрение дела в разумный срок, а квалификационные коллегии судей таким адекватным средством защиты не являются. Возникает вопрос, какие меры Российская Федерация должна будет предпринять для исполнения данного решения. Прежде всего, проблема нарушения разумного срока судебного разбирательства является предметом многочисленных жалоб, поданных против России. Следует предположить, что Постановления Пленума с указанием судам рассматривать дела без нарушения сроков не будет являться эффективной и адекватной мерой, поскольку такие постановления уже существуют. Решение вопроса также связано с контролем соблюдения сроков, который должен проводиться внутри судебной системы, кроме того, увеличение финансовых и кадровых ресурсов является неизбежным.

Российская Федерация сравнительно недавно столкнулась с проблемой исполнения решений, влекущих достаточно серьезные изменения в законодательстве и практике, в связи с чем отработанной схемы реагирования на обязательные для государства решения в настоящий момент еще не сложилось. В следующем параграфе будут рассмотрены предложения по совершенствованию Российского законодательства и практики с целью эффективного исполнения Российской Федерацией обязательных постановлений Европейского суда по правам человека.

§ 2. Модель эффективного взаимодействия постановлений Европейского суда и российской правовой системы.

В научной и практической литературе высказывалось и высказывается достаточно много сомнений относительно своевременности вступления России в Совет Европы и возможности со стороны России удовлетворять тем требованиям и обязательствам, которые Россия на себя приняла.

Марк Дженис в своей публикации о соотношении российской правовой ситуации и потребностях изменений в ней в связи с членством в Совете Европы¹³⁹, выражал опасение, что «при неспособности России внутренними средствами добиться выполнения европейских стандартов по правам человека и подчиниться решениям страсбургских институтов, стремление помочь России приведет к образованию двухъярусной системы прав человека и даст правительствам некоторых стран-членов повод ослабить собственные усилия по выполнению требований страсбургской системы».

Позволю себе не согласиться с приведенным заключением. Несмотря на критические замечания в адрес состояния российского процессуального законодательства, хотелось бы отметить, что успешность выполнения Россией своих международных обязательств может быть обеспечена двумя аспектами. Первый – это действие России как добросовестного участника международных отношений и выполнение ею своих обязательств, в том числе, возникающих из

¹³⁹ Mark Janis. "Russia and the 'Legality' of Strasbourg Law"//European Journal of International Law. Vol. 8. 1997. p. 93.

постановлений Европейского суда по правам человека. Второй – это универсальность и прогрессивный характер самого европейского института защиты прав. Обязательность решений Европейского суда по правам человека и его четкое следование собственным прецедентам в ходе рассмотрения дел, то есть неукоснительный приоритет единого европейского правопорядка, а не ориентация на уровень развития права в конкретном государстве-ответчике по делу как раз и обеспечивают развитие международных стандартов защиты прав со стороны Европейского суда. Страсбургская система, контролируя исполнение государством решения, никогда не примет в качестве оправдания отсутствие у государства ресурсов или возможностей для исправления ситуации, следовательно, вывод автора о возможном применении двойных стандартов при защите прав человека не обоснован.

Следует, однако, признать, что определенные обстоятельства снижают позитивное влияние постановлений Европейского суда по правам человека на правовую систему Российской Федерации. В связи с исследованными ранее вопросами нормативного регулирования последствий решений Европейского суда по правам человека и складывающейся практики России по исполнению постановлений, хотелось бы отметить ряд моментов.

Единый подход к регулированию последствий вынесенных против Российской Федерации решений и его закрепление во всех процессуальных кодексах государства позволил бы избавиться от пробелов в законодательстве и реализовать индивидуальные и общие меры, принимаемые государством по конкретному постановлению Суда с большей эффективностью. В Гражданский

процессуальный кодекс, в частности, должна быть внесена норма о рассмотрении дела по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с вынесением по делу постановления Европейского суда, устанавливающего нарушение.

Более того, единый принцип обязательности для России судов международных судебных органов как общая норма также должен найти отражение во всем процессуальном законодательстве.

Фактически переводы постановлений Европейского суда по правам человека против России опубликованы в «Российской газете», то есть, доступны судебным и иным правоприменительным органам, а также гражданам. Однако необходимо отметить, что опубликованы далеко не все переводы, и после опубликования решения Посохов против России эти публикации были приостановлены. Более того, публикации в «Российской газете» осуществлялись по инициативе Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, и нередко срок между вынесением решения в отношении РФ и публикацией перевода составлял более полугода. Представляется, что необходимы законодательные положения, устанавливающие обязанность официальных органов в определенный разумный срок после вынесения решения Европейским судом по правам человека в отношении Российской Федерации публиковать его в официальном издании. Предполагается, что законодательство должно четко устанавливать, в каком именно издании будут осуществляться публикации, например, «Российской газете» как официальном издании более доступном не только

правоприменителям, но и обычным гражданам, нежели Собрание Законодательства Российской Федерации.

Учитывая то, что российские суды обязаны рассматривать дела с учетом международных обязательств России в сфере прав человека, а также поставленную перед судами всех уровней трудновыполнимую задачу «действовать в пределах своей компетенции для обеспечения обязательств государства, связанных с участием в Конвенции»¹⁴⁰, можно предложить решение проблемы путем издания Пленумом Верховного суда РФ постановлений с разъяснениями последствий каждого решения или группы решений, касающихся аналогичных вопросов. Толкование, осуществляемое в международно-правовом контексте высшим судебным органом позволит судам всех уровней эти акты грамотно применять и позволит избежать неверного толкования и применения со стороны тех судей, которые не имеют навыков применения международных норм и прецедентов.

¹⁴⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5 от 10.10.2003 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Заключение

Проведенное исследование очередной раз подтверждает, что в условиях современного развития международного права защита прав человека перестает быть исключительно государственной задачей. Развитие международных стандартов защиты прав и повышение защищенности индивида с использованием международных норм о правах человека, а также динамично развивающаяся практика международных судебных органов позволяют заключить, что в силу принципа добросовестного исполнения международных обязательств государства неизбежно обязаны следовать прогрессивным нормам по защите прав человека. Принцип обязательности судебных постановлений Европейского суда по правам человека призван обеспечить в государствах-участниках не только единое понимание стандартов и приведение ситуации в национальных правовых системах в согласование друг с другом, но и единый правопорядок в европейском регионе.

Анализ постановлений Европейского суда, вынесенных против государства, позволяет заключить, в чем национальная правовая система должна ориентироваться на достижения других европейских государств-членов в сфере защиты прав человека. Анализ же постановлений Европейского суда, вынесенных в отношении других государств, позволяет вовремя привести практику и законодательство в соответствие с Конвенцией и прецедентной практикой Суда, не дожидаясь установления Судом нарушения.

Для Российской Федерации восприятие европейской системы защиты прав является достаточно сложным в силу ее неразвитой прецедентной системы, и

тем не менее, нельзя отрицать, что международный прецедент как источник права особого рода фактически вошел в правовую систему нашего государства и уже привнес в нее определенные позитивные моменты.

Ни одно государство не застраховано от установления Европейским судом нарушения прав человека. Однако хотелось бы выразить надежду, что каждое решение Европейского суда по правам человека будет восприниматься судебными, законодательными и исполнительными органами как еще одна возможность усовершенствовать национальное законодательство и практику, а значит, с каждым разом повышать уровень защищенности индивида.

Библиография

1. Арнольд Р. «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы»//Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2001. N 3 (36).
2. Берестнев Ю.Ю. «Меры общего характера. Влияние практики Европейского суда на реформирование национальных правовых систем»// Российская юстиция. 2001. N 12.
3. Верещетин В.С. «Некоторые аспекты соотношения международного и национального права в практике Международного Суда ООН»//Российский юридический журнал. N 3. 2002 г.
4. Витрук Н. «Обязательства России как государства-участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод»//Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. N 1. (42) 2003.

5. Горшкова С.А. «Россия и юридические последствия решений Европейского суда по правам человека»//Журнал Российского права. 2000. N 5/6.
6. Горшкова С.А. «Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство». Москва.2001.
7. «Европейская Конвенция по правам человека в Центральной и Восточной Европе: первый практический опыт.» Материалы международной конференции для практикующих юристов. 27-29 сентября 1996 г. Norwegian Bar Association - Polish Bar Association – Human Rights Commission.
8. Игнатенко Г.В. Современные аспекты судебного правоприменения международных актов.//Материалы всероссийской научно-практической конференции «Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе РФ». Екатеринбург. УрГЮА.2003.
9. П.А. Лаптев. «Прецеденты Европейского Суда по правам человека и российская судебная практика»//Конституционное право: восточноевропейское обозрение.2002. N 1 (38).
10. Лобов М. «Контроль за исполнением решений Европейского суда»//Европейский суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства/под ред. Б. Петранова, А. Деменевой.
11. Лобов М. «Исполнение решений Европейского суда по правам человека: возможные правовые последствия для Российской

- Федерации»//Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. N 3 (36) 2001.
- 12.«Международная защита прав человека с использованием некоторых международно-правовых механизмов» / ред. Москаленко К.А. Москва, 2001 г.
- 13.Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. Сборник докладов. Институт права и публичной политики. Москва, 2001.
14. Тиунов О.И. «О роли Конвенции о защите прав человека и решений Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Российской Федерации»//Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. N 3 (36).
- 15.Ю.В. Трунцевский, В.В. Гриб «О формировании научной концепции имплементации норм европейского права в России». Международное публичное и частное право. 2001. N 4.
- 16.Чернышова «Жалобы против России в Европейском Суде по правам человека»//Российская юстиция N 4 /2002
- 17.Andrew Z. Drzemczewski. “European Human Rights Convention in domestic law. A comparative study. 1983. Clarendon Press.Oxford.
18. P. van Dijk, G.J.H. van Hoof “Theory and Practice of the European Convention on Human Rights”. Kluwer Law International, The Hague, The Netherlands 1998.
19. Karen Reid “A practitioner’s guide to the European Convention of Human Rights” – London, “Sweet and Maxwell” 1998 г.

20. Keir Starmer. European Human Rights Law. Legal Action Group 1999.
21. Mark Janis. "Russia and the 'Legality' of Strasbourg Law"//European Journal of International Law. Vol. 8. 1997.
22. Mark Janis, Richard Kay и Anthony Bradley. European Human Rights Law. Text and materials. Oxford. University Press. Second Edition.
23. Philip Leach "Taking a Case to the European Court of Human Rights". Blackstone Press Limited. London. 2001.
24. Jean-Paul Marguenaud. La Cour europeenne des droits de l'homme. - Paris, 2002.
25. Fundamental Rights in Europe. The ECHR and its Member States, 1950-2000 Edited by R. Blackburn, University of London, and J. Polakiewicz, Council of Europe

Нормативные акты, использованные в работе:

1. Статут Международного Суда. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII.- М., 1956. С. 47 -63.
2. Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII.- М., 1956. С. 14-47.

3. Положение об Экономическом суде Содружества независимых государств. Утверждено Соглашением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 06.07.1992 г. // Вестник ВАС РФ. N 1, 1992.
4. Регламент Экономического суда Содружества Независимых государств. Утвержден Постановлением Пленума Экономического Суда Содружества Независимых Государств 5 июля 1994 г.// Вестник ВАС. 1994. N 12.
5. Конвенция по морскому праву Организации Объединенных наций. Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Рим, 4 ноября 1950 г.). Собрание законодательства РФ. 8 января 2001 г. N 2. Ст. 163.
7. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (одобрен Генеральной Ассамблеей ООН 15 июня 1976 г.). Розенберг М.Г. Контракт международной купли - продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров.- М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 602 - 621.
8. Венская Конвенция «О праве международных договоров» от 23.05.1969. Сборник международных договоров СССР. Вып. XLII.- М., 1988. С. 171 - 197.
9. Конституция Российской Федерации.
10. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 года N 101 – ФЗ. "Собрание законодательства РФ", 17.07.1995, N 29, ст. 2757.

11. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года N 1 – ФКЗ. (в ред. Федерального конституционного закона от 15.12.2001 N 5-ФКЗ).
12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. "Российская газета", N 137, 27.07.2002
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года N 174 – ФЗ.
14. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР в редакции Федерального закона от 25.07.2000 г.
15. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.11.2002 г.
16. Указ Президента Российской Федерации «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека» от 29 марта 1998 года N 310.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 5 от 10.10.2003 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».